Интернет-журнал
Персона ПЛЮС

Издатель — Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»
www.west-consulting.com.ru

Главный редактор
Ольга Шагова

Заместитеть главного редактора
Наталья Лихтенфельд

Редактор отдела литературы
Фёдор Мальцев

Колумнисты
Олег Воронцов, Игорь Харичев

Бильд редактор
Глеб Пузырев

Фотограф
Евгений Степанов

Начальник отдела рекламы
Ирина Горюнова

Электронный адрес редакции:
stepanovev@mail.ru
тел:. (495) 971-79-25

Колонка редактора

Друзья!

С Новым годом!

Здоровья, счастья, любви, благополучия,
новых свершений, путешествий!
Оставайтесь с нами!

Ольга ШАГОВА

Игорь ХАРИЧЕВ

Главная проблема – с народом

Что бы ни писали многочисленные исследователи, главная проблема России не с властью. Главная проблема нашей страны с ее народом. Кажется, понимание этого приходит в нашу жизнь. По крайней мере, данную тему затронули недавно сразу два стоящих на очень разных позициях человека: Президент Фонда ИНДЕМ Георгий Сатаров и глава Института современного развития Игорь Юргенс.

В статье «Родина в опасности!», опубликованной в «Ежедневном журнале», Сатаров отмечает, что российское население покорно терпит невероятную коррупцию и безразлично к тому, что у него полностью отобраны фундаментальные права формировать и контролировать власть; что в нашей стране исчезли разделение властей, федерализм, независимость бизнеса и СМИ, а сейчас исчезает независимость муниципального управления; что в России нет органа власти, способного защитить безопасность каждого из нас. Что Конституция превратилась в пустую бумажку.

Игорь Юргенс на пресс-конференции по теме «Что мешает модернизации России?» заявил, что основными помехами для модернизации являются незаинтересованность в ней большинства элиты, а также архаичность российского народа. Безразличие населения к инновациям и низкую гражданскую активность Юргенс объясняет патернализмом, а кроме того, «слабой распространенностью городской урбанистической культуры». Жизненные установки большинства россиян приводят к массовому уклонению от исполнения гражданского участия. Вывод Юргенса: «Мы не граждане, а какое-то племя».

С нашим народом точно что-то не в порядке. Не может быть случайностью, что в России при любой идеологии воспроизводится один и тот же тип власти и тип государства: полная централизация и концентрация социально-экономической жизни; это всесилие государства, его безусловный приоритет перед человеком, пренебрежение реальными интересами граждан, даже тех, ради кого будто бы создавался «новый» мир; это бюрократический характер государства, отмеченный всесилием и безответственностью чиновничества.

Большевики в своем гимне пели: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим…», однако весьма скоро выявилась удивительная похожесть многих черт этого «нового» мира на прежний, свергнутый. Глубинную преемственность советской России по отношению к Российской империи уже в 1920 году отметил известный монархист, один из лидеров фракции националистов в IV Государственной думе, один из создателей Добровольческой армии Василий Витальевич Шульгин. Как отмечал Шульгин, что бы ни думали и ни говорили большевики, они восстанавливают могущество, единство и границы России «до естественных пределов» и «подготавливают пришествие самодержца всероссийского». Вслед за Шульгиным сходство старого и нового, выстроенного большевиками государства отметили многие, включая Бердяева. Социолог Александр Гофман в опубликованном год назад обширном исследовании «Традиции и инновации в современной России» писал: «… не смотря на радикализм большевистского проекта, полную смену социокультур-

ной и политической символики и море крови, пролитой в революции и гражданской войне, 25 октября 1917 г. система традиционных социальных институтов, существовавшая до февраля этого же года, себя восстановила. Произошел поворот на 360 градусов, и новые люди, большевики, самоотверженно и беспощадно боровшиеся с царским режимом, продолжили его же старую генеральную линию».

Если обратиться ко дню сегодняшнему, то многие историки, социологи, публицисты отмечали схожесть современной России и СССР. Это в первую очередь ничтожность человека перед государством, упование значительной части граждан на государство, бюрократический характер государства, оборачивающийся всесилием и безответственностью чиновничества и незащищенностью граждан, неистовое чинопочитание. И все та же полная централизация и концентрация социально-экономической жизни. Можно сказать, что марксизм и либерализм дали в нашей стране сходный результат.

Но если мы с таким выдающимся упорством при любой идеологии и самых разных людях, пришедших к руководству страной, воспроизводим один и тот же тип государства и тип власти, дело в народе. Тут уместно вспомнить историю Китая средних веков. Там в течение нескольких столетий одно за другим побеждали крестьянские восстания. Их руководители сами становились новыми императорами и высшими чиновниками. В первое десятилетие после победоносного восстания жизнь крестьянства улучшалась. Но дальше все возвращалось на круги своя. В конце концов новое восстание сметало бывших защитников крестьян. Которые не были виноваты в том, что воспроизводили прежнюю власть. Ибо не знали ничего иного. Ибо такова была их культура.

Наша культура воспроизводит один и тот же тип государства. Николай Бердяев писал: «Русский народ по своей душевной структуре народ восточный». Думается, что наша культура на самом деле не может быть отнесена в полной мере к европейской. Вместе с тем, она не представляет и восточную культуру. Располагаясь в Европе и в Азии, Россия почерпнула худшие черты других культур. Мы наплевательски относимся к закону, а законопослушность – опора западноевропейской цивилизации. Мы не ценим личную свободу, а для западноевропейской цивилизации она имеет ключевое значение. Мы не имеем прилежания и аккуратности, присущих восточным народам. Но восточное чинопочитание хорошо усвоили. Как и отношение к человеку – он всегда у нас жил и продолжает жить для государства. (Отсюда столь специфическое отношение к правам человека со стороны чиновников и правоохранительных органов.)

В основе нашей культуры всегда лежало пренебрежение к отдельной человеческой жизни. Поскольку сильной властью у нас до сих пор считается власть, которая «все держит в кулаке». Европейское понятие того, что сильная власть должна обеспечить неукоснительное исполнение закона для всех и каждого, вне зависимости от наполненности кошелька или должностного положения, чуждо нам, противно нашей культуре. Поэтому когда под суд попадает высокий чиновник или его близкий родственник, мы думаем не о торжестве закона, а о победе одного клана над другим.

На каких основах стоит западноевропейская культура? Есть ряд ее составляющих, которые прямым образом влияют на экономику. В первую очередь это взаимоотношения собственности и власти, о чем давно, еще в 20-х годах прошлого века, писал Карл Витфогель. Однако в этих взаимоотношениях наиболее важно, что приоритетно – власть или собственность? Именно когда в Западной Европе, прежде всего в Англии, частная собственность стала выше власти, началось развитие рыночных отношений и буржуазного общества. Взаимоотношения собственности и власти являются частью культуры, потому что они прежде всего не в законах, а в правоприменительной практике – в том, что в головах людей. (Современные российские законы вроде бы защищают частную собственность, однако в реальности нет препятствий для того, чтобы отнять собственность, что и происходит по всей стране.)

Следующая важная составляющая культуры – законопослушность. Конечно, она связана с парой власть-собственность, ибо при наличие совершенных законов и законопослушности собственность будет защищена. Но законопослушность имеет и самостоятельное значение. Не менее важную роль играет правовая культура, которая предполагает знание гражданами законов и умение использовать их. Еще одна важная для экономики составляющая – достижительская культура, то есть на-

личие нацеленности значительной части общества на достижение успеха за счет собственных усилий. Еще можно говорить о культуре деловых отношений, культуре производства, технологической культуре. Первая связана с умением строить партнерские отношения, вторая – с умением организовать работу предприятия, третья – с умением выполнять технологические операции. Но эти составляющие такого широкого феномена, как культура, имеют подчиненное для экономики значение. В условиях незащищенной собственности и отсутствия законопослушности, а значит отсутствия правового государства, невозможно рассчитывать на успешное экономическое развитие страны.

Если говорить о демократии, то она есть следствие других составляющих культуры. Прежде всего это взаимоотношения человека и государства. И вновь речь о том, что приоритетно в этой паре, человек или государство? Это определяет тип общества, его живую ткань. Только приоритет человека перед государством рождает демократические формы. А кроме того, важны политическая культура, наличие глубоко укорененного умения подавляющей части общества нести ответственность за себя, наличие традиций самоорганизации, умение гармонично сочетать личные и коллективные интересы, наличие толерантности в обществе, поведенческая культура.

Перечисленные составляющие культуры неразрывно связаны с западноевропейской цивилизацией. Можно утверждать, что совокупность всех этих составляющих носит универсальный характер. Именно благодаря им возможно эффективное развитие экономики и общества. Один из ярких примеров – современная Япония. Благодаря американской оккупации Японии успешно удалось вестернизироваться. Были восприняты самые важные составляющие западноевропейской культуры: приоритет частной собственности по отношению к власти, законопослушность, несколько позже появились правовая культура, достижительская культура, культура деловых отношений, культура производства, технологическая культура, сформировался приоритет человека по отношению к государству. Благодаря введению институтов разделения властей и выборов возникли политическая культура, наличие глубоко укорененного умения подавляющей части общества нести ответственность за себя, культура самоорганизации. Но при этом японцы не перестали быть японцами, они сохранили свою национальную самобытность.

Вслед за Японией вестернизацию прошли Южная Корея, Тайвань, Сингапур. Теперь это процветающие экономики. Успешные реформы в Китае базируются на частичной вестернизации – введено все то, что необходимо для развития экономики: институт частной собственности, ее защищенность, всяческое поощрение экономической инициативы граждан.

Если говорить о России, то в первую очередь следует отметить, что в ней никогда не было и нет приоритета частной собственности по отношению к власти. Да и сама частная собственность появилась поздно, при Екатерине Второй, а после прихода к власти большевиков опять была отменена. Становление частной собственности в постсоветской России не сопровождалось укреплением ее защищенности. ЮКОС, Волготанкер, Русснефть, АВИСМА, Евросеть – это лишь примеры, касающиеся крупных компаний, а сколько мелких и средних предприятий было отнято по всей стране за последние десятилетия. И, главное, все эти случаи не вызывают сколь-нибудь заметной реакции неприятия в обществе.

Еще одна национальная особенность России – отсутствие законопослушности. То, что мы всегда плевали на закон, отразилось в таких сугубо русских поговорках, как: «Закон что дышло…» или более поздних: «Закон словно телеграфный столб – перешагнуть нельзя, а обойти можно». Умение нарушать закон с выгодой для себя всегда считалось у нас доблестью. При этом неуважение к Закону проявлялось и продолжает проявляться не только в обществе, но и прежде всего на всех уровнях власти, задавая тон происходящему. Так было в Российской империи, так продолжалось в Советском Союзе, так остается в постсоветской России. Можно принимать какие угодно хорошие законы, а практика их применения, в общем-то, будет отрицательная.

У граждан России низкая правовая и политическая культура, нет умения подавляющей части общества нести ответственность за себя, нет культуры гармонично сочетания личных и коллективных интересов. Отсутствует культура самоорганизации. (Да, граждане объединяются, когда возникает непосредственная угроза их интересам, например, в виде точечной застройки или уничтожения соседнего леса. Но за рамками таких угроз самоорганизации фактически нет. Общество

атомизировано). У граждан России отсутствует толерантность, низка поведенческая культура.

Что можно сделать в этой ситуации? Георгий Сатаров призывает будить общество, что требует действия всех общественно активных людей. Действовать всегда предпочтительнее, чем сидеть, сложа руки. Только не хотелось бы повторить опыт 1991 года, приведший нас к нынешнему состоянию. В свою очередь, Игорь Юргенс полагает, что архаичность российского народа исчезнет к 2025 году, и наш народ окажется «ментально совместим в восприятии демократии со среднестатистическим прогрессивным европейцем.» При этом для Юргенса очевидна тенденция деградации человеческого капитала в России. Какие же образом через 15 лет наша культура вберет в себя важнейшие составляющие западноевропейской культуры? Непонятно.

А вот Владислав Сурков заявил на недавней конференции «Социальное измерение модернизации», что отсутствие или слабое влияние социальных групп, заинтересованных в модернизации страны – главная проблема современной России. «Государство не сможет включить процесс социальных изменений, как бы он ни назывался, если не найти практическую мотивацию. Люди должны чувствовать выгоду», – отметил Сурков. Думается, что чувства выгоды недостаточно. Фактически модернизации экономики должна предшествовать модернизация общества. Нам надо утвердить в масштабах страны демократические ценности.

Что делать? Заниматься широкой просветительской деятельностью. Между прочим, Комитет грамотности, образованный в 1861 году при Вольном экономическом обществе, полагал, что российское сельское хозяйство не улучшить, пока его основной элемент – получивший свободу крестьянин-земледелец – не станет грамотным фермером. К чему и прилагались реальные усилия. Прежде всего была создана широкая сеть публичных библиотек, изданы необходимые книги, крестьян учили грамоте. Западных немцев и японцев после Второй мировой войны благодаря широким просветительским программам, осуществляемым оккупационными властями, обучали тому, зачем необходимы разделение властей, независимая судебная система, политические партии, парламент, система выборов.

Конечно, предложение заниматься просветительством не может вызвать энтузиазма. Во-первых, этот путь не дает быстрого результата. Во-вторых, в наш век широкую и эффективную просветительскую деятельность можно организовать только с помощью телевидения и на государственные деньги. А государство на это денег не даст – нынешней власти выгоден тот народ, который есть сейчас. И все-таки, поскольку ни вариант Японии, Западной Германии, где положительную роль сыграла оккупация, ни вариант Южной Кореи, Сингапура или Китая, где у властей хватило решимости и таланта на коренные преобразования, для России не возможны, помимо широкой просветительской деятельности иного выхода для нас нет. И заниматься ею в той или иной форме могут все, кто переживает за будущее России. Кто-то непосредственно, а кто-то – помогая этой деятельности.

Прекрасным примером была Школа публичной политики – проект, осуществляемый во многих городах нашей страны созданной Михаилом Ходорковским общественной организации «Открытая Россия». Благодаря этому проекту удалось приобщить к западноевропейской культуре значительное число молодых людей, пока власти не ополчились на «Открытую Россию». (Почему бы не попытаться возобновить его общими усилиями?) Долгие годы плодотворно работает Московская школа политических исследований Елены Немировской. Достоин всяческих похвал известный экономист Евгений Ясин, который на «Эхе Москвы» каждый понедельник рассказывает о роли культуры. Интересные просветительские передачи и фильмы в сфере культуры показывает телеканал «Культура» (например, документальный сериал Александра Архангельского «Рождение свободной мысли»). Но большинство ученых, общественных деятелей ограничиваются важными дискуссиями о путях к демократии, к нормальной рыночной экономике в узком кругу. Чтобы сделать эти дискуссии достоянием широкой общественности, мало выпускать сборники – при недоступности центральных телеканалов необходимо ездить по регионам. И если бы живущие за пределами Москвы ученые, общественные деятели или журналисты использовали любые имеющиеся возможности для просветительства на местном телевидении, радио, эффект мультипликации был бы значительным.

Надо заниматься просветительством, используя любые возможности. Это – работа на будущее.

Олег ВОРОНЦОВ

Вики-рассуждения о вики-гордости

В эти дни весь мир громко или шепотом рассуждает о документах, опубликованных Викиликс (WikiLeaks). Мнения самые противоположные: от левоцентристской эйфории до правого скептицизма и желания наказать. Одни радуются тому, что из-за красивой ширмы демократии запахло методами с «душком», далеко не демократичными, и что весь мир увидел цинизм и юродство суперна-ции, претендующей на мировое господство. Другие хотят наказать тех, кто осмелился опубликовать чужие тайны и показать чужое грязное белье.

Вики-потрясений, по правде говоря, здесь никаких нет. Просто собрали сборник дипломатических сплетен из всех американских посольств и дали понять, какими глазами американцы смотрят на окружающий их мир. Как говорится, cosi fan tutte, так поступают все.

Я не пытаюсь занять позицию или высказать свое отношение к тому, что произошло. В нашем Вики-мире мы радуемся тому, что это случилось не с нами, и лишь с некоторой скабрезностью пережевываем то, что прочитали или скачали из Интернета. И, скорее всего, вся эта публикация так бы и осталась для нас не более, чем пример, подтверждающий тезис о том, что политика — это самая грязная игра в мире. Мы это видели и видим каждый день во всех уголках планеты. Но, однако, один факт заставил меня взяться за перо. Точнее, за iPad.

Из «американского ларца» были вытащены «откровения» одного испанского прокурора, который в очередной раз вешает ярлык мафии на все наше общество. Мол, все русские одного поля ягодки, начиная с Кремля и до самых низов. И эта «тайна за семью печатями» была сообщена американцам во время организованного испано-американского семинара по борьбе с мафиями и организованной преступностью. Знай наших, Испания вывела на чистую воду всех этих русских!

Нового здесь ничего нет. За последние пять лет восприятие русских в Испании поменялось с дружеско-восторженного до полнейшей неприязни и враждебности. Раньше мы были страной, которая приютила детей Гражданской войны в Испании. Раньше в нас видели товарищей, друзей и писали о близких отношениях Мстислава Ростроповича с испанской королевской семьей и даже давали грант оркестру Спивакова. А теперь пишут о том, что русским нельзя продавать ни акции испанских компаний, ни пяди испанской земли. А всех тех, кто купил, надо проверить, подслушать и еще и проследить. Такого количества анти-русских дел, как в Испании, не знает ни одна европейская страна.

Да, безусловно, мы не идеальны. Идеальных вообще нет. С начала 90-х мы совершили большое количество глупостей и ошибок. Вначале мы посыпали голову пеплом и ругали свое прошлое. И всем за границей было жалко бедную Россию. А когда мы перестали быть бедными и стали показывать свою мощь и при этом еще тратить безумные деньги, на нас вначале подозрительно посмотрели, а потом нам объявили информационную войну. Нас стали уважать и бояться одновременно. Уважать за деньги, которые мы у них тратили, и бояться из-за их количества. И особенно за то, что к русским вернулась гордость быть русскими.

Были забыты балеты и оперы. Канули в лету русские писатели и поэты, ученые и инженеры, композиторы и спортсмены. Мы стали конкурентами в безжалостном мире капиталистической глобализа-

ции. И забыли при этом, что в конкурентной борьбе любые методы хороши, чтобы обойти соперника. Наши беззубые средства массовой информации пока не могут соперничать с западными. Мы проиграли по всем статьям информационную войну по созданию нового российского имиджа. Этот самый прокурор в течении последних 5 лет «кормит» испанских журналистов, особенно издание «АВС», непроверенной «свежатиной» о России. А пресса публикует все подряд, ничего не проверяя и не задавая лишних вопросов. Информационная Цусима превратила русских в эдаких монстров, которые легко попадают под единственно возможную категорию, выделенную специально для нас - мафия.

Интересные происходят иногда вещи. Вот, к примеру, есть в Испании один уважающий себя банк, созданный еще во времена Франко семьей, которая занималась контрабандой. Но они, естественно, сейчас являются респектабельными гражданами, и старого никто не вспоминает. Или колонии по всему свету, где Испания безжалостно грабила и убивала во имя своего могущества. То есть, читать историю в одну сторону умеют все. А вот увидеть правду и рассказать о ней идеологически не выгодно. Ну как рассказать испанцам, и не только им, что многие люди, сделавшие карьеру и деньги в последние 10-20 лет в России, имеют прекрасное образование, широкий кругозор и безусловные таланты? Да, не все всегда было сделано по правилам и канонам. А разве они у нас были? Разве нам в начале 90-х кто-нибудь рассказывал, как в короткий промежуток времени преобразовать идеологически зомбированную коммунизмом страну в современное правовое демократическое государство? Или как в короткий промежуток времени приватизировать большое количество предприятий и структур самого большого по территории государства на планете? Мы до сих пор этого не поняли сами и не разобрались сами с собой. Так как при этом нас могут правильно понять или оценить другие?

Но вопрос не в этом. Как говорится, было бы желание. А вот его как раз и нет, как у этого испанского прокурора. Есть амбициозное желание быть в первых рядах борьбы с русскими и слыть большим «специалистом» по русской мафии. При этом, основные «данные» добываются из наших СМИ. Знают ли русские люди, что испанцы и англичане последние годы занимают лидирующее место в мире по потреблению кокаина? Это по официальной статистике ООН. Но у нас язык не повернется огульно назвать всех испанцев или англичан наркоманами. Потому, что по отдельным личностям нельзя судить о стране. Потому, что наше воспитание всегда отличалось деликатностью и уважением. И еще потому, что мы не пытаемся совать нос в чужие дела. Не надо говорить о великой стране с ее великими людьми с высокомерных позиций истины в последней инстанции. Не надо думать о нас, как о банановой республике без прочного скелета и без принципов и морали. Мы знаем и без них, что у нас хорошо, а что плохо. Люди в этой стране всегда отличались умом и эрудицией. Да, у нас есть коррупция. А у них ее нет? Или США или Испания ее изжили? А, может, в Америке или Италии побеждена мафия? Давайте лучше вместе изживать изъяны, а не тыкать ими друг друга в лицо. Нашим детям нужны моральные ценности и патриотическое воспитание. Нам нужен мир, построенный на уважении и любви к ближнему. Нам необходимо сотрудничество, выгодное для всех сторон, а не только для тех, у кого более сильные кулаки и зубы.

Вики-совет для всех тех, кто «сливал» откровения о России и делал всех нас членами ОПГ: поменяйте тон и научитесь видеть не только плохое. Это самый реальный шаг, который способствует мерам доверия и политике сотрудничества. А мы, россияне, умеем дружить и умеем быть признательны нашим друзьям.

Да, в эпоху глобализации особенно важно вместе бороться с тем плохим, что есть у всех. Мы знаем, что у нас хватает и коррупции, и существует проблема с ОПГ, и что правовая система в российском обществе нуждается в серьезной модернизации. И работа уже ведется в этом направлении. Но не надо отождествлять негатив со всем обществом. Не надо из нас делать изгоев. И если Запад действительно хочет видеть Россию цивилизованным и демократическим государством, то такой подход не должен предполагать развешивание ярлыков. Отождествление отдельных преступников с обществом в целом здесь не только неприемлемо, но и провокационно. Витки «холодной войны» должны были нас всех чему-то научить.

Хорошо, что не все испанцы такие, как этот прокурор и его последователи. Есть здравомыслящие люди, обеспокоенные положением дел в вопросе имиджа России в Испании в частности, и в Европе вообще. Принято решение о проведении в 2011 г. года России в Испании и года Испании в России. Может быть, хоть это поможет некоторым понять, что мы сегодня из себя представляем. А то каждый день я с содроганием смотрю новости и думаю – ну что мы опять сегодня натворили? А потом надеваю куртку с надписью «Россия» на спине и выхожу на улицу. Я горжусь, что я россиянин. А вы?

Интервью

Елена Иванова-Верховская. Поэт. Поэт-переводчик. Родилась и живет в Москве. Окончила Московский архитектурный институт. Публиковалась в журналах и альманахах: «Дружба народов», «Кольцо А», «Юность», «Крещатик», «Дети Ра», «Зинзивер», «День поэзии» и др. Автор книги стихов «Есенен човек» (Издательство «Българска книжица», София, 2010 г.). Стихи вошли в «Антологию Русской поэзии. XX век», переведены на испанский, болгарский, сербский, македонский, хорватский и польский языки. Член Союза писателей России, Международной ассоциации русскоязычных писателей, Союза Переводчиков стран СНГ и Балтии.

Участница международных фестивалей поэзии в Сербии, Польше, Болгарии, России, Грузии.

Сегодня она отвечает на вопросы Евгения Степанова.

Елена Иванова-Верховская: «В одном человеке столько всего!..»

— Елена, Вы архитектор и поэт. Как две творческие ипостаси сочетаются в одном человеке?

— В одном человеке столько всего может сочетаться! И никогда даже и не подумаешь, что может, а оно берет и существует, и все в одном и, глядишь, и сочетается, и бывает даже, что удачно.

В смысле образования, то есть того, чему обучали в институте — конечно, дополняют, в смысле исполнения — скорее мешают, потому, что все ревниво требует для себя времени, но надо сказать, что поэзия, когда желает присутствовать, легко, не напрягаясь, отодвигает все остальное. Вообще — все!

— У Вас вышла книга стихов в Болгарии. И недавно там прошла презентация. У Вас особые творческие связи с этой страной?

— Да, так получилось, наверное, немного странно, что моя первая книга вышла не здесь, а в Болгарии. В России я все тянула с книгой, сомневалась, друзья меня то уговаривали, то пытались заставить, потом я уже всем надоела, процесс грозил затянуться и превратиться в диагноз, но тут моя подруга, в то время работавшая директором Болгарского Культурного института в Москве, Бела Цонева-Динкова, актриса, вдова выдающегося болгарского поэта Ивана Динкова, возвращалась домой в Софию.

Контракт закончился. Конечно, мы грустили, она постоянно вспоминала о Москве, где провела 4 года, и чтобы продлить хоть как-то, пусть виртуально, свое присутствие здесь, она попросила прислать мои стихи ей в Софию, что я и сделала. А остальное сделала она. И переводы, и предисловие, и непосредственно издание и, вот, спустя год, когда я приехала в Варну, на международный фестиваль поэзии «Славянские объятья», меня уже ждала готовая книга и Белла.

И не знаю, честно говоря, чему и кому я обрадовалась больше! Презентация была в консульстве и других местах, проходила очень радостно. В Болгарии нас все-таки любят. И с Болгарией, конечно, и у меня, в том числе, устойчивые творческие и духовные связи. Православная страна, кириллица. Меня переводят, я перевожу болгарских поэтов. Русскую поэзию там знают и довольно охотно печатают.

И вообще там поэзию любят. На открытии фестиваля в Варну из Софии специально приезжал президент Болгарии и провел с нами весь вечер. Это в наше-то весьма неромантическое время.

— Когда выйдет книга в России?

— Конечно, в России обязательно, и теперь уже без всяких сомнений, я хочу выпустить книгу. Та, вышедшая в Болгарии, двуязыка, эта московская, думаю, будет больше по объему, но, надеюсь, не намного. Я не люблю говорить заранее, поскольку я все-таки, суеверна, но — в ближайшее время.

И, может, быть даже не одна, а две книги. Посмотрим, потому, что эта эпоха перемен, в которой мы оказались, не располагает к определенности.

— Ваши стихи звучали в метро. Как возникла идея звучащего стихотворения в метро? Будет ли продолжаться этот проект?

— Да, мое стихотворение звучало в метро в День Победы 9 мая этого года. Я до сих пор не понимаю, как это произошло, это было полнейшей неожиданностью, и то, что я написала его, и то, что оно звучало. Идея звучащего стихотворения я не знаю у кого возникла, но мой друг, поэт Саша Герасимов, пресс-секретарь Союза писателей Москвы, позвонил и сказал, что вот будет юбилей метро и попросил что-нибудь написать, приведя меня в шоковое состояние. Первое, что я сказала, — «Саша, я не могу про метро!», тем более, что я там сейчас уже и редко бываю, но Саша расстроился, а поскольку мне очень не хотелось его расстраивать, то я вздохнула и на следующий день написала стихотворение.

Вспомнила свои любимые станции: «Маяковскую» и родной «Сокол». Там ведь все равно очень красиво. Будет ли это все продолжаться тоже не знаю, но, по-моему, то, что в метро звучат стихи — это хорошо безусловно, все-таки даже косвенный слух, хоть немного, но переключает сознание спешащих и озабоченных людей. А любое переключение — это и есть отдохновение.

— Недавно Вы были на поэтическом фестивале в Тбилиси. Какие у Вас впечатления?

— На поэтических фестивалях в Грузии я была уже в третий раз. Первый раз за две недели до известных событий в Цхинвали. Об этом я написала стихотворение, оно прозвучало в моем интервью «Джорджиа таймс». А что касается фестиваля — во-первых, это сама Грузия и, в первую очередь, Тбилиси.

Поскольку я человек природный и визуальный, то могу сказать, что масштабы Тбилиси мне соразмерны. В нем не ощущаешь прерванности времен, до сегодняшнего дня он еще остается самим собой, резкие перемены его еще не настигли. И мне очень нравится, что город не противоречит окружающему пейзажу, не устраняет его, почти отовсюду, повернув голову можно увидеть горы и деревья, понимая, что там дальше повсюду естество природы. Вот только Куру в пределах города очень жаль, также, как и Москву-реку в пределах Москвы. Мне не нравится, когда реки находятся в заключении в каменных застенках берегов.

Город хорош, люди и до и после событий доброжелательны и приветливы. Мы много ездили, много выступали, дружили. Организует это все из года в год, я даже представить себе не могу, каким чудом это все происходит — Николай Свентицкий и его «Русский клуб». Со всего мира приезжают поэты. Переводят, выступают, общаются между собой, а главное — со слушателями. Удивительно, но в Грузии на выступлениях поэтов залы заполнены. Эти фестивали — как ветка дерева в соседний сад. Пока мы видим, слышим, мы не потеряем друг друга.

Там я познакомилась со многими грузинскими поэтами и, в частности с замечательной поэтессой, писателем, общественным деятелем Маквалой Гонашвили. Она перевела мои стихи, они напечатаны в Грузии, я перевела ее стихи, они вышли в этом году в «Литературной газете».

— Ваши любимые русские поэты?

— Мой любимый русский поэт — Фёдор Тютчев.

Интервью

— Кто-то из поэтов Серебряного века оказал на Вас влияние?

— Про влияние не знаю, какое влияние. Дай бог хоть прикоснуться к ним. А вот приобщение, пробуждение — это да. В этом я не оригинальна. У меня, как и у всех гуманитарных подростков моей юности, был весьма ограниченный информационный диапазон.

Первое самое сильное впечатление — навсегда — это Цветаева. Рядом Пастернак, Блок, Белый, Есенин. Ахматову читала, но не сумела тогда пробиться к ней, понимание ее сдержанной глубины пришло позже. И Мандельштам, конечно!

— Вы пишете в традиционной манере. Вам никогда не хотелось поэкспериментировать? Как Вы относитесь к авангарду?

— Поэкспериментировать хотелось, но в результате все равно пишу традиционно, хоть убей. Когда мой разум насыщается информацией и разнообразными мнениями и начинает метаться, хочется попробовать, и пробую. Но ведь поэзия создается не разумом, а чем-то иным...

К авангарду, когда он не доказывает мне всем, чем только можно, что он авангард — хорошо отношусь.

Вообще я всеядна, для меня существует поэзия, которая мне нравится и которая не нравится, а форма, в которой она живет, не имеет никакого значения. Я прихожу в восторг от строк, строф, целых стихотворений абсолютно разных, с точки зрения критики и литературоведения, поэтов. Мне совершенно все равно. Правда это касается только слуха и чтения, с общением, конечно, сложнее.

— Как Вы считаете, насколько поэт должен быть открыт для читателя? Есть ли для Вас запретные темы?

— Конечно, поэт должен быть открыт максимально. А для чего же тогда писать? Мы же не шифрованные сообщения для избранных пишем. Другое дело — нельзя заигрывать, нельзя изначально ставить целью понравиться. Надо все делать на том максимуме, который тебе доступен. Если я подключаюсь к чему-то, то запретных тем нет.

— Делите ли Вы поэзию на мужскую и женскую?

— Поэзию не делю. Все люди обладают набором разнообразных собственных качеств и определений, в том числе и полом, которые в конечном счете и формируют человека и, соответственно, то, что он делает. Поэтому какой смысл только по одному признаку делить поэзию?

— Как менялись Ваши поэтические пристрастия с течением времени? Кого из поэтов любите сейчас?

— Вот сейчас задумалась и поняла, что мои поэтические пристрастия что-то как-то и не сильно менялись. Как любила Тютчева, так и люблю. Читала, слышала, узнавала больше, значит, становился и шире диапазон пристрастий. Я не могу сказать, что я люблю какого-то поэта целиком от начала и до конца, и, одновременно, я люблю и сейчас, и всегда такое количество стихотворений разных поэтов, которые уже были и пишут новые стихи, и других, о которых узнаю только сейчас, что и сама с трудом с этим справляюсь. Практически каждый день есть повод для восторга.

— Должно ли государство поддерживать поэтов? Или хороший поэт должен выживать сам?

— Вообще-то должно поддерживать, но что при этом начинает делаться с поэтами! И получается в результате, что хороший все равно выживает сам.

— Что способствует зарождению стихотворения? В каком состоянии пишется лучше?

— Что способствует? Материи эти недоступны, управлять собой не позволяют и понимать себя не дают. И хотя у меня в основном печальные стихи, но пишется лучше совсем не в состоянии удрученности или обиды, а в каком-то предчувствии радости что ли.

— Влияет ли поэзия на массовое сознание? Должна ли влиять? Если да, то как именно?

— Отсутствие поэзии, то есть массовая культура с ужасающим языком и текстами, влияет на население чрезвычайно пагубно. Мы просто начинаем непоправимо утрачивать свой собственный язык, и это пострашнее революции будет. Значит, соответственно, поэзия должна быть донесена до этого самого сознания, как кислородная подушка, как гуманитарная реанимация. В обязательном порядке.

Беседу вел Евгений СТЕПАНОВ

Поэзия

Елена ИВАНОВА-ВЕРХОВСКАЯ

НАД НОЧНОЮ ТРАВОЮ

Вот и я больше дни не считаю,
Отпускаю кружиться окрест,
Будто ту говорливую стаю
Из каких-то несбывшихся мест.

И подхватит их воздух незримый,
То поднимет, то бросит опять,
Соберу ли, пройду ли я мимо?..
Мне уже ничего не поднять…

Потревожит ли отзвуком чувства
Неуверенный утренний свет?..
Все равно. Здесь дождливо и пусто.
Только осень, а прошлого нет.

Только этой равниной покатой,
Только ей и дышать точно зверь…
Так любить не умела когда-то,
Для чего же умею теперь?

СОЗВЕЗДИЕ БЕЗДОМНЫХ ПСОВ

Полуобжитые кварталы
Каких-то улиц силикатных,
Там жизнь себя не узнавала,
Заглянет и спешит обратно,
От этой станции конечной,
С автобусной подножки мерзлой,
За безбилетным ветром встречным,
Сшибающим сухие слезы.
Строений брошенных во мраке
В окраинном лихом бессилье,
Рождались светлые собаки
И никуда не уходили.
Приговоренные быть рядом
Лохматой, брошенною стаей,
Каким-то параллельным адом
Лежали, в сумраки врастая,
А снег все падал на загривки

Поэзия

И застывал в глазах собачьих,
И нет от верности прививки,
И свет казался им незрячим…
Слепых дорог тугое жало
И визг убитых тормозов,
А в небе навсегда сияло
Созвездие бездомных псов.

09 января 2009 г.

СОБАКЕ ПО КЛИЧКЕ «ДЕВОЧКА»

Для моей малости — мир абсолютен,
В нем можно все от высших щедрот
До низких радостей, но на беспутье
И то минует, и это пройдет.
Почему я не строю на берегу дома,
Почему не подбираю всех бездомных собак,
Как будто росток, который сломан,
Как будто свет, уходящий во мрак.
Когда там решали — мне быть, не быть,
Когда вдыхали любовь как в бога,
То дали муку себя судить,
И не дали права — уйти до срока.
И все, что могу, из всех божьих начал,
Стать бездомней любого несчастного зверя,
Когда ты сюда меня отпускал,
Так же плакал по мне, — как теперь я?

23 декабря 2008 г.

* * *

Рваный холст на ветру неистово бьется,
Он не может закрыть собою пустырь,
На котором ямы, похожие на колодцы,
Механизм, распластанный, будто упырь.
На холсте отраженье проезжей жизни,
Никаких пейзажей, дыры да тьма,
Так и хочется написать что-нибудь
матерное об отчизне,
Но она-то при чем? — понимаю сама.
А она нас приучала к полям и рекам,
Все растила кроны — свисти да летай,
Даже нищий здесь мог бы быть человеком,
А теперь он «нечто», утянутое за край.
Заполошные жители произносят: «Эта страна…»
Будто лунные тени льнут к чужим изголовьям,

А она уже устала менять имена,
И лечить нас, убогих, своей любовью.

25 декабря 2008 г.

* * *

То ли много мне стыда, то ли мало,
Я и воли-то своей не видала.
Я и пальца не колола иголкой,
Ни царевной не была и ни волком.
А все с волею чужой поспешала,
Как закончу — начинаю сначала.
А оставят если, сяду в уголочек,
Завернусь будто кикимора в клубочек,
А все принцы и купецкие дети,
И иные солдатики бравые
Ускакали за красавицей славою,
Будто мы и не одни здесь на свете.
Посижу так потихоньку, потоскую,
Вы знать меня не знаете такую,
Над шиповником поплачу своим белым,
А другою я и быть не хотела…
Не хотела? И не знать мне покою,
Значит, будут поминать вот такою.

СВЯТАЯ, РАВНОАПОСТОЛЬНАЯ ЦАРИЦА ЕЛЕНА

Лишь ненасытные плети дорог, —
Окрик империи, даль заслонившей.
Рим, отодвинув небесный порог,
Тьмы своих подданных больше не слышит.
Две половинки живого ствола,
Соединенные кем-то для пытки,
Возле распятия жизнь тяжела.
Богоподобные мрамора слитки

Смотрят безглазо, бесслезно. Из дней
Вечных забав. Беспечальное племя.
А вот увозят когда сыновей,
Падать и выть, уцепившись за стремя…
Сын — это радость и мука, и крест,
Животворящею силой распятий
Свой возвратился. Небесный воскрес,
Только царица все помнит, все платит

Иерусалимской тяжелой землей,
Глубже могил схоронившей те шрамы…
Видишь на ослике по мостовой
Юноша нищий приблизился к храму.

Поэзия

МОТЫЛЕК

В черных росах, над ночною травою
Заметался мотыльковый ветер.
Может, это души землероек —
Самый непонятный зверь на свете.

Звать домой пришли, но позабыли,
Заболтались, чтобы отдохнуть,
Мне казались зрячими их крылья,
Был так непонятен этот путь.

Выбирала одного упрямо
И не уставала повторять —
Мотылек, ну сделай так, чтоб мама
К выходным приехала опять.

Приезжала. Боже мой, как много
Так расти и так взрослеть навзрыд.
Где-то там лежит моя тревога,
Землеройкой мертвою лежит.

ОЛЬГА, ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ РОССИЙСКАЯ

Долгим и прохладным светом воли,
Над прибрежной, бледною корою,
Прошептали ветки имя — «Оля»,
«Ольга» - разнеслося над Псковою.
«Тороплив ты, княже, Господине
Всем нам здесь, а первому себе…»
Северная девочка, княгиня
В русской замороченной судьбе.
Это после, после сгинет Игорь,
С некрещеным воинством. В одном
Милостив Господь, не даст ей мига
Череп сына, залитый вином,
Видеть. Из чванливого Босфора
Привезет нам свет крещенных дней
В женах русских первая опора
Православной Родины моей.

Февраль 2009 г.

* * *

Воздух заполнен ветками,
Перемещен по кругу.
Они плывут неодетыми,
И нас все тянет друг к другу.

Поэзия

И нам расставаться не хочется,
Но мы ведь взрослые люди,
Я знаю чем это кончится,
Я знаю, что лучше не будет.

Вбиваешь мой номер в сотовый
И смотришь чужими глазами,
А воздух, из веток сотканный,
Шепнет: «Разбирайтесь сами».

Из этих сумерек радужных
Сбегаю как по тревоге…
А дома скажу: «Ну надо же,
Опять промочила ноги».

Март 2009 г.

* * *

Сумасшедший день. Это о ком я?
Будет, что вспомнить. Если память будет.
Если времени почва собьется в комья,
Из которых вырастут ушедшие люди.

В этих путаных зарослях прежней жизни,
Столько влаги, что выступают слезы,
Будто небо, темнея, дождиком брызнет,
И перестанет быть небом, а воздух

Плотный, как завязь, выпьет дыхание
И остановит попутный ветер,
И я назову твое имя крайнее,
Самое последнее имя на свете.

Январь 2009 г

* * *

МОСКВЕ

Сколько лет я сдаю этот город,
Почернела уже от золы,
Гимнастерки расстегнут ворот —
Треугольник шагреневой мглы.

Это, знаешь, такая зараза —
Шаг в бессмертие, два назад,

Поэзия

Через левое плюнь три раза,
И за стенкой к тебе постучат.
Все отчетливей тянет отбросами,
Кто оставил нас здесь в живых,
Хоть солдатами, хоть матросами,
Хоть воронками вдоль мостовых…

Ветер с улиц сдувает пену,
Влагой стекол слезятся дома,
Фронтовые сто грамм об стену…
Твой архангел трубит измену —
Не труби. — Я все помню сама.

Июнь 2009 г.

* * *

Всяк кто был, остается в силе —
Так гласят небесные скрижали,
А как слово это обронили,
Так и помнили его и держали.
Значит, не было сирот на этом свете,
А другого я света не знаю,
А в другой я ухожу не за этим,
А чтоб не было у времени краю.

Больно жестко себя с нами держало,
Не давало себя знать — лишь манило,
А вот много его было или мало?
Как считать, — так никому не хватило.

* * *

Несвободною волей своей
Я приколота будто иголкой
То на кухоньке возле дверей,
То над детскою книжною полкой.
Я такой расписной экземпляр,
Я почти что не чувствую боли,
И лиловый качается шар,
Майский шар моей первой неволи.
Где сирени весною изранены,
Где ломают их ветками впрок,
Там меня научили быть крайнею,
Я никак не забуду урок.
И никак не взрослеют те сумерки,
И зеленая всходит листва,
Там, где годы мои будто умерли,
Там, где я почему-то жива.

Май 2009 г.

Поэзия

БАЛЛАДА

Злая толстая соседка
Называлась сукой в ботах,
Материлась очень метко
И ходила на работу.
В спину ей орали дети
Непристойно и глумливо,
И жила одна на свете,
Это было справедливо.
Это было беспощадно
От конца и до начала,
А хотела быть нарядной,
Шапки толстые вязала
И синтетикой скрипела
На неведомых маршрутах
И зверела так зверела,
Что сильней нельзя как будто.
Память маленькую детства
Закрутила бигудями,
Может быть болело сердце,
Может, плакала ночами…
А потом она пропала,
Сгинула, сдалась на милость
Площади, где три вокзала,
Поезду, куда садилась…
И уехала, не глядя,
На могилку к маме с тятей
В ту деревню, в лес да в осень,
В мир, что выманил и бросил.

Март 2009 г.

Евгений СТЕПАНОВ

ЗИНАИДА ГИППИУС И МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН: ПОЭТЫ-ПРОРОКИ XX ВЕКА

Зинаида Гиппиус

Одним из ярчайших поэтов, выразивших время, была Зинаида Гиппиус (и поэтому я также отношу ее к поэтам-пророкам). Она, как известно, в начале своей литературной деятельности примыкала к течению символистов, в котором лидерами были Дмитрий Мережковский и Фёдор Сологуб. Ее стихи начальной поры еще не окончательно сформировалась, голос поэтессы не приобрел собственного характерного звучания. В полной мере талант Зинаиды Гиппиус сформировался во время и после октябрьского переворота, когда она — здесь явная перекличка с Максимилианом Волошиным — одна из немногих сумела дать четкую и беспристрастную оценку происходящему.

Гиппиус оказалась самой прозорливой женщиной-поэтессой. Что несет так называемая «свобода», предложенная большевиками, она высмеяла саркастически и беспощадно. И тем самым пророчески предсказала крах пришедшему к власти режиму самозванцев.

ОСЕНЬЮ

(сгон на революцию)

На баррикады! На баррикады!
Сгоняй из дальних, из ближних мест...
Замкни облавкой, сгруди, как стадо,
Кто удирает — тому арест.
Строжайший отдан приказ народу,
Такой, чтоб пикнуть никто не смел.
Все за лопаты! Все за свободу!
А кто упрется — тому расстрел.
И все: старуха, дитя, рабочий —
Чтоб пели Интер-национал.
Чтоб пели, роя, а кто не хочет
И роет молча – того в канал!
Нет революции краснее нашей:
На фронт — иль к стенке, одно из двух.
...Поддай им сзаду! Клади им взашей,
Вгоняй поленом мятежный дух!

На баррикады! На баррикады!
Вперед за «Правду», за вольный труд!
Колом, веревкой, в штыки, в приклады...
Не понимают? Небось, поймут! [1]

В стихотворении «14 декабря 17 года», посвященном Д. Мережковскому, она продолжает тему: <…> «Рылеев, Трубецкой, Голицын! / Вы далеко, в стране иной... / Как вспыхнули бы ваши лица / Перед оплеванной Невой!» [2]

Здесь Гиппиус подчеркивает антогонизм между «декабристами» и ее современниками — так называемыми революционерами. События 1825 и 1917 поэтесса не ставит в один ряд. Романтическим идеалам «декабристам» поэтесса противопоставляет хаос и террор революции.

Мало кто так беспощадно вынес оценку вакханалии мятежа, вседозволенности и распущенности. Гиппиус, отказавшись от символистских красивостей, называла вещи своими именами — «Блевотина войны — октябрьское веселье!», «Как в эти дни невероятные / Позорно — жить!», «Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой. / Смеются пушки, разевая рты... / И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой, / Народ, не уважающий святынь». [3] Все так и произошло. Народ, как всегда, бессовестно и безжалостно обманули. И вскорости погнали в советские концентрационные лагеря, о которых мы сейчас знаем уже хорошо.

И все-таки в самые роковые дни Зинаида Гиппиус верила в грядущее России.

НЕТ!
Она не погибнет — знайте!
Она не погибнет, Россия.
Они всколосятся, — верьте!
Поля ее золотые.

И мы не погибнем — верьте!
Но что нам наше спасенье:
Россия спасется, — знайте! [4]

...Максимилиан Волошин не сделал сенсационных и сбывшихся конкретных предсказаний, как, например, Лермонтов или Хлебников, но он, несомненно, был поэтом-пророком, всем своим творчеством и одухотворенным имиджем заслужив право на это звание.

НА ДНЕ ПРЕИСПОДНЕЙ

(Памяти А. Блока и Н. Гумилева)

С каждым днем все диче и все глуше
Мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветр, как свечи, жизни тушит:
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.

Темен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведет
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.

Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца — Русь!

И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.

Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!

12 января 1922, Коктебель [5]

Русь! встречай роковые годины:
Разверзаются снова пучины
Неизжитых тобою страстей,
И старинное пламя усобиц
Лижет ризы твоих Богородиц
На оградах Печерских церквей.

Все, что было, повторится ныне...
И опять затуманится ширь,
И останутся двое в пустыне —
В небе — Бог, на земле — богатырь.
Эх, не выпить до дна нашей воли,
Не связать нас в единую цепь.
Широко наше Дикое Поле,
Глубока наша скифская степь. [6]

И еще одна — беспощадная! — цитата:
Они пройдут — расплавленные годы
Народных бурь и мятежей:
Вчерашний раб, усталый от свободы,
Возропщет, требуя цепей. [7]

Пророчества поэтов сбылись. И продолжают сбываться в самых разных сферах — в духовной жизни, культуре, экономике.

Мы действительно оказались рабами, более того рабами, действительно «требующими цепей».

Поразительный факт: не будучи ни политиками, ни экономистами, поэты показали реальную картину мира, не только настоящего, но и будущего.

Они показали нам — нас. Нас — рабов.

Что я имею ввиду?

Подавляющее большинство населения России работает сейчас, в XXI веке, на крупных предприятий (т.е. на дядю) и не является хозяевами. В малом бизнесе только 10%. Это значит, что класс людей, способных отвечать за себя и свое дело, ничтожно мал. Это значит, что реформы, затеянные Горбачевым, по сути, не дали кардинального положительного результата.

Максимилиан Волошин

Нужно признать, что и во времена Гиппиус и Волошина, более ста лет назад, малый бизнес был развит в России недостаточно. Более половины трудоспособного населения работало на крупных (по тем временам) заводах и фабриках с числом рабочих свыше 500 человек, шесть гигантских предприятий в нефтяной отрасти добывали 65% всей нефти. То есть и тогда мы строили монополистический капитализм, который не мог не рухнуть.

Все изменил П. А. Столыпин.

В ходе столыпинской реформы крестьянам продавались земли на льготных условиях, государство покрывало значительную часть кредитов, выданных аграриям. Это делалось за счет субсидий из бюджета, в период с 1906 по 1917 год дотации составили 1457,5 млрд. рублей — астрономические по тем временам суммы. [8]

Крестьянский банк наиболее охотно поддерживал именно крестьян-единоличников, покупавших земли в личное пользование — расценки для них были максимально приемлемые. Люди стали в XXI веке работать на себя. На своей земле. Используя свои средства производства.

Во всем этом нам отказали.

От всего этого мы отказались.

Мы опять вернулись в феодальное общество, где существуют только класс рабов и класс господ.

Можно ли изменить ситуацию?

Можно.

Но только не революционно, а эволюционно. Постепенно. И дело тут не в экономике. Дело в головах, в сознании. Если говорить фигурально, дело в поэзии…

Для начала нужно просто послушать (почитать) поэтов. Таких великих поэтов-пророков, как Зинаида Гиппиус и Максимилиан Волошин. Понять то, о чем они нас предупреждали еще сто лет назад.

Литература:

1. *Зинаида Гиппиус*, сайт www.litera.ru
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. *Максимилиан Волошин*, сайт www.litera.ru
6. Там же.
7. Там же.
8. См. об этом подробнее в: Евгений Степанов, «Малый бизнес на энтузиазме», журнал «Знамя», № 10, 2009, сайт www.magazines.ru

Мемуары

Мина ПОЛЯНСКАЯ

Мемуарные размышления о Ефиме Эткинде

Ефим Эткинд

И славы блеск, и мрак изгнанья,
И светлых мыслей красота,
И мщенья – бурная мечта
Ожесточенного страданья.

Александр Пушкин

О стихах Пушкина, приведенных мною в качестве эпиграфа, Ефим Григорьевич Эткинд говорил, что именно они – эпиграф ко всей его жизни. Он еще уточнил: «Все это – в бесконечно ослабленном виде – выпало и на мою долю».

Мне довелось присутствовать на защите докторской диссертации Ефима Григорьевича в колонном зале пединститута имени Герцена (ныне университета) в октябре 1965 года, и я считаю эту блистательную защиту одним из важнейших событий моей жизни. «Несмотря на довольно специальный характер темы, – вспоминал Эткинд, – «Стихотворный перевод как проблема сопоставительной стилистики» – аудитория реагировала с энтузиазмом, и защита прошла, можно сказать, эффектно».

Еще бы! Участниками научной баталии были прославленные академики В. М. Жирмунский и М. П. Алексеев, а также ее главный герой - Эткинд. Не забуду восторга переполненного зала. Как это было красиво! И могу лишь воскликнуть вслед за Салтыковым-Щедриным, вспоминавшем «оттепель» начала царствования Александра II: «О, какое это было время! О, какое это было прекрасное время!» И не предполагали мы, как и Михаил Евграфович, что все это может так незаметно исчезнуть, тогда как следовало предполагать, поскольку, как предупреждал Герцен, когда в очередной раз ломают стены и отбивают замки и отпирают ворота, то в первую очередь вбегают не те, кого ждали. «Неотразимая волна грязи залила все», – сокрушался он в «Былое и думах».

Мы – не предполагали. А в начале 70-х годов неизвестный Фридрих Горенштейн писал в Москве роман «Место» с подзаголовком «Политический роман» о либеральном таинстве послесталинского правительства, обманчивой демократии, о хрущевской оттепели, оказавшейся камуфляжем, очередным фарсом.

Итак, восьмисотстраничный роман о московских диссидентах, антидиссидентах, тайных организациях со средневековыми ритуалами и репетиловским многозначительным фразерством, с захватывающей интригой, с сюжетными ответвлениями диккенсовской школы был написан в начале 70-х годов. Однако путь романа к русскому читателю длился двадцать лет.

«*Легенда враждебна Закону, и именно легендарный сталинизм, а не антисталинские лозунги оппозиции, порождает Народное Недовольство, самого грозного врага Власти, врага, черпающего свои силы не в политической оппозиционной кучке, а в лояльном массовом потребителе.*

На этой темной, обледеневшей ленинградской улочке я понял, что идеал покойного Журналиста, идеал покойного умеренного оппозиционного интеллигента – стоять с незатянутой петлей на шее, на прочном табурете – возможен лишь тогда, когда на узкой тропе Истории только Власть. Когда же туда, навстречу власти, словно дикий кабан на водопой, выходит Народное Недовольство, то первым же результатом противоборства является двойной удар сапогами по табурету, и миру после этого остаются, в лучшем случае, лишь хриплые, необъективные, как все мертвеющее, запоздалые мемуары удавленника-интеллигента».

Мемуары

Я предполагаю: а что случилось бы, если бы роман «Место» был опубликован вовремя, как это и бывает при нормальном кровообращении литературы, и мы, «либеральная интеллигенция», прочитали бы его в году, допустим, 73-м, или 74-м?

Может быть, мы бы вовремя оглянулись назад и обнаружили с изумлением, что от оттепели не осталось и следа? Может статься, лучше подготовились бы к очередной «оттепели» конца 80-х, и уже во всеоружии встретили бы эпоху лихих горбачевских разбойных свобод - с иммунитетом и скепсисом по отношению, например, к «бывшим» коммунистам, которые всегда первыми «вбегали в ворота», чтобы без покаяния в очередной раз даровать нам глоток свободы, дар, который мы жадно и благодарно принимаем?

Я продолжаю угадывать: а что было бы, если бы роман Тургенева «Отцы и дети» с его «героем нашего времени» и его убийственно материалистической тенденцией, оказавшей колоссальное влияние на поколение, застрявшее надолго на стадии нигилизма, увидел свет, допустим, спустя тридцать лет после написания?

Пожалуй, изменился бы ход истории. Александр II, размышляю я, прочитал «Записки охотника», написанные в 1852 году, плакал над книгой, после чего (понадобилось время – почти десять лет) и совершилась, наконец, столь долго ожидаемая отмена крепостного права.

Авраам Линкольн прочитал роман Гарриет Бичер Стоу «Хижина дядя Тома», написанный также в 1852 году (бывают же совпадения!), тоже плакал над романом, после чего (понадобилось время – почти десять лет) и свершилась кровопролитная война Севера и Юга, а затем столь долго ожидаемая отмена рабства – таково мое ощущение этих исторических событий.

Да, в истории и политике не принято делать заявления в сослагательном наклонении. А в литературе? В литературе такие расклады и предположения и даже утопии вполне уместны, а порой необходимы.

* * *

Уже в те времена, когда я училась в «Герцена», имя Эткинда автора книг «Поэзия и перевод», «Разговор в стихах», основателя школы перевода, прославившего институт, было окружено легендами. Наш преподаватель во время войны служил военным переводчиком, но среди студентов существовал миф о том, что он был разведчиком и в форме немецкого офицера запросто являлся к немцам – именно так мы романтизировали его образ. Эткинд вполне соответствовал чеховской эстетике о человеке, в котором все должно быть прекрасно, но в моих глазах наш преподаватель являл собой еще и сказочного, бесстрашного рыцаря. Однако же, если оставить его даже и военным переводчиком, что, кстати, соответствовало истине, то разве не восхитительно, что он, этот изысканно красивый, элегантный человек, во время войны переводивший тексты (устные и письменные) о планах противника, его расположении, расположении танков и пр. в этом роде, после войны стал переводить стихи, а потом еще основал школу перевода, утверждающую максимальное уважение к оригиналу?

Ярким образцом школы перевода Эткинда является его книга «Маленькая свобода. 25 немецких поэтов за пять веков» с параллельным переводом, составленная в обратном хронологическом порядке, изданная в 1999 году. Дата выхода книги – год смерти Эткинда – свидетельствует о том, что он навсегда остался верен созданной им школе. Цитирую Игоря Полянского («Маленькая свобода», Зеркало Загадок, 8, 1999»): «Идея обратного построения антологии возникла у Эткинда более тридцати лет назад. По признанию автора, она восходит ко Льву Толстому, преподававшему историю «от следствий к причинам» (...). При всей точности и адекватности перевода, антология Эткинда по-немецки не случайно названа не «Übersetzung», но «Nachdichtung», то есть дословно «стихотворчество вслед» (...). По-русски «обратная антология», а по-немецки –«rückläufige», то есть «бегущая вспять». Привожу эпиграф к сборнику:

У Лессинга:
Wer wird nicht einen Klopstok loben?
Doch wird ihn jeder lesen? – Nein.
Wir wollen weniger erhoben,
Und fleißiger gelesen sein.

Мемуары

У Эткинда:
Вы почитаете Клопштока?
Но кто читал его хоть раз?
Не почитайте нас высоко,
А лучше – почитайте нас!

Я еще 1964 году умудрилась, находясь в очереди, протянувшейся вдоль Фонтанки чуть ли не до Невского проспекта, купить билет на спектакль в БДТ имени Горького (теперь имени Товстоногова) «Карьера Артуро Уи» по пьесе Брехта в переводе Эткинда.

Помню, что это было зимой, кругом лежал снег и, когда я стояла у площади Ломоносова и до здания театра оставалось еще более двухсот метров, ко мне подошла женщина в бежевом пальто и протянула мне билет. Бывают же чудеса: именно меня женщина выбрала в этом нескончаемом потоке! Спектакль «Карьера Артуро Уи», сыгранный более трехсот раз – незабываемое событие театральной жизни Ленинграда 60-х годов и, разумеется, моей жизни тоже.

Зал неизменно восторженно реагировал на постановку, на сцену с бурными овациями вызывались не только режиссер и актеры – Артуро Уи играл грандиозный Евгений Лебедев - но также и переводчика пьесы Ефима Эткинда. Эткинд рассказывал, что ему было интересно переводить пьесу, в которой оказалось множество двусмысленных пассажей. Так, например, в одной из сцен к Артуро Уи является ночью призрак убитого им соратника Эрнесто Ромы. Эткинд вспоминал аналогичную ситуацию со Сталиным, убившего своего соратника Бухарина:

Я другом был тебе, когда еще
Ты был известен только вышибалам.
Теперь я перешел в небытие,
А ты на «ты» с хозяевами жизни.
Предательство возвысило тебя,
Предательство тебя низвергнет. Так же,
Как предал ты помощника и друга
Эрнесто Рому, – так ты всех предашь,
И так же всеми будешь предан сам...

На одном из первых представлений присутствовал (это было после сенсационной публикации «Одного дня Ивана Денисовича») Александр Исаевич Солженицын. Он сидел во втором ряду, недалеко от мэра Ленинграда Василия Толстикова, которого не знал в лицо, и так громогласно выражал свой восторг, что Товстоногов и Эткинд, полные дурных предчувствий, уже приготовились к тому, что Толстиков запретит спектакль. Однако – обошлось.

В 60-е годы многие из нас очарованы были лекциями Берковского и Эткинда. Весьма показательна описанная Татьяной Черновой сцена (в статье о моей книге «Музы города» «Голос Музы, еле слышный» в книге «Адреса педагогического опыта», СПб, 2002), характеризующая нашу «сказочную» студенческую жизнь. Так, однажды после лекции Берковского о новелле «Золотой горшок» мы с Черновой танцевали в аудитории и, «как будто играя в новую игру, повторяли таинственные слова из еще не прочитанной гофмановской новеллы: «Серпентина, Серпентина!» Влюбленная в Диккенса, Гюго, Скотта и во всех остальных старых романистов, я все же втянулась в водоворот событий и восторгов хрущевской перестройки. Разумеется, Солженицына и Бродского читала и восхищалась. И даже побывала у гроба Ахматовой 10 марта 1966 года. Помню, что в первых рядах была моя однокурсница Таня Латаева, трогательная «литературная» девочка, она держала меня за руку, объясняя, как это важно и судьбоносно. Когда же Владимир Маранцман повез нас, студентов, в Ясную Поляну к могиле Толстого, то уже я вынуждена была держать Таню Латаеву за руку: с ней случилось что-то вроде шока – могила Толстого без памятника со свежим холмиком, поросшим молодой травой, производила впечатление недавнего

захоронения. Вид скромного могильного холмика волшебным образом «придвинул» к нам Толстого и казалась предвестником чего – то неотвратимого. Эти знаки нашей молодости западали в душу, оставляли след навсегда, но только вряд ли подготавливали нас к полной катаклизмов жизни в будущем.

Я еще вспоминаю себя, первокурсницу, на Прачечном мосту, в той самой толпе сострадающих Иосифу Бродскому и ожидающих решение суда так, как будто решалась судьба очень близкого мне человека. Слушание дела о «тунеядстве» Бродского состоялось в середине марта 1964 года в большом зале Клуба строителей на Фонтанке, рядом с домом бывшего Третьего отделения шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа. Ефим Григорьевич, как известно, на памятное моим современникам судилище был вызван в качестве свидетеля.

Обстоятельства складывались так, что еще во времена оттепели блистательного Эткинда унижали Власть и Народное Недовольство. Стало быть, грозное будущее на самом деле уже водворилось, «наступили суровые дни» (правда не те, которые имел ввиду Плещеев: Париж беспокойный не волновался, а даже совсем наоборот, то были суровые дни «Современной идиллии» Салтыкова- Щедрина) но, как это иногда бывает, солнце иногда с опаской, но все же выглядывало. Мне кажется, что коварство оттепели и состоит в том, что незаметно она отступает. На суде присутствовала публика, не имеющая никакого отношения к литературе, Бродского не читавшая. Рабочие, служащие и даже дружинники выражали Народное Недовольство. У Михаила Голодного (1932): Суд идет революционный, Правый суд. Конвоиры песню «Яблочко» поют.

Судья: Дайте ваш паспорт, поскольку ваша фамилия как-то неясно произносится. Эткинд... Ефим Гиршевич... Мы вас слушаем.

Так застенографировано Ф. Вигдоровой. Впоследствии выяснилось, что судья прочитала отчество Эткинда не по паспорту (там было Григорьевич), а по другому источнику – из особого отдела филиала КГБ. Воистину, перефразируя Пушкина, можно сказать: и, в имени твоем звук чуждый не взлюбя, своими криками преследуют тебя.

Эткинд, тем не менее, вполне смог справиться с первыми сценами унижения, поскольку главной задачей было – избавить Бродского от судилища. Очень точно заметил о нем Владимир Маранцман: «Кидая в Эткинда камни, ораторы порой опускались до уровня 1937 года. А сам виновник охального торжества не только не каялся, но с вольтеровским остроумием и здравым смыслом русских сатириков сохранял достоинство и недоумевал: «По какому случаю тут?»

Эткинд, как бы не замечая невежества толпы (Пушкин обычно называл ее «чернью», впрочем, можно и процитировать его: «непроницаемый для взгляда черни дикой»), пытался объяснить суду, что Бродский не тунеядец, трудится на литературной ниве, зарабатывая переводами.

«Перевод стихов, – убеждал он суд – труднейшая работа, требующая усердия, знаний, таланта. На этом пути литератора могут ожидать бесчисленные неудачи, а материальный доход – дело далекого будущего. Можно несколько лет переводить стихи и не зарабатывать этим ни рубля, Такой труд требует самоотверженной любви к поэзии и к самому труду. Изучение языков, истории, культуры другого народа – все это дается далеко не сразу. Все, что я знаю о работе Бродского, убеждает меня, что перед ним как поэтом-переводчиком большое будущее».

Однако приговор был приготовлен заранее: Бродский был сослан в отдаленные места сроком на пять лет на принудительные работы. Сбылось предчувствие Ахматовой о судьбе молодых поэтов шестидесятых годов:

О своем я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотое клеймо неудачи
На еще безмятежном челе.

«Золотое клеймо неудачи» возникло на челе Бродского. Позднее признание, Нобелевская премия не вернули подорванного здоровья, он умер в Нью-Йорке 27 января 1996 года в возрасте пятидесяти шести лет и похоронен в Венеции на острове Сан-Микеле.

Мемуары

Такое же «золотое клеймо» обозначилось на челе нашего профессора, спасавшего двух будущих Нобелевских лауреатов – Бродского и Солженицына. В 1974 году в Педагогическом институте им. Герцена при тайном единогласном голосовании коллег Эткинд был лишен всех званий, в том числе и ученого звания профессора. Затем он был изгнан из Союза писателей, где состоял с 1956 года, лишен гражданства и выдворен из страны по сфабрикованному КГБ «делу». Солженицын, с которым Ефим Григорьевич дружил более десяти лет, и рукописи писателя, которые Эткинд хранил, значились в «деле» как главные пункты обвинения.

В книге «Записки незаговорщика» издевательства над собой Эткинд назвал «Гражданской казнью». Мемуары впервые были опубликованы в Лондоне в 1977 году и мгновенно стали бестселлером. «Записки незаговорщика» переиздавали, переводили на другие языки. В Германии книга была переведена на немецкий язык с названием «Бескровная казнь» и имела наибольший успех. Сейчас, когда я пишу этот очерк, передо мной на столе лежит книга, изданная в России спустя два года после смерти Эткинда, в 2001 году. Именно в связи с выходом книги в 1977 году, говорил Эткинд, сбылось то, что выражено пушкинскими стихами, приведенными в эпиграфе:

И мщенья – бурная мечта
Ожесточенного страданья.

Перечень заграничных почетных званий Ефима Григорьевича свидетельствует о том, как оценены были его заслуги в просвещенном мире: профессор-эмератус Десятого парижского университета, член-корреспондент трех немецких академий, кавалер Золотой пальмовой ветви Франции за заслуги в области французского просвещения, доктор honoris causa Женевского университета. Количество научных трудов – более 600. За границей были опубликованы книги Эткинда: «Записки незаговорщика», «Форма как содержание: Избранные статьи», «Материя стиха», «Стихи и люди» и другие.

Однако мировое признание не вернуло ему ни покоя, ни удовлетворения, как, подозреваю, не вернули страдальцу Иову покоя и удовлетворения новое богатство взамен старого и другое потомство, взамен бывшего. «Записки незаговорщика», написанные с пронзительным, невероятным для публицистики лиризмом, свидетельствуют о том, что рана его так никогда и не зажила. Я приведу здесь стихи Эммануэля Гейбеля в переводе Эткинда, которые, по-моему, автобиографичны:

Видишь – Данте Алигьери, побывал он в безднах ада,
На челе его высоком – гнев и горькая досада.

Столько ужасов он видел, столько скорби душу гложет,
Что, наверно, улыбаться никогда уже не сможет».

Дант, услышав, обернулся: «Разве нужно непременно,
Чтобы позабыть улыбку, опуститься в мрак геенны?

Все, что пел я, все страданья, боль и ужас нашей жизни,
Видел я на этом свете, во Флоренции, в отчизне.

В 1989 году Эткинд вернулся в город, «знакомый до слез». Он был приглашен в наш раскаявшийся «Герцена» и, вероятно, для завершения сюжета, согласился явиться на встречу с бывшими коллегами, причем, в тот самый четырнадцатый корпус на Мойке 48, где пятнадцать лет тому назад преподавал. Самая большая аудитория не вместила всех желающих. Остальные, как говорили, «весь Ленинград», стояли в коридоре. Так произошло покаяние и прощение.

* * *

На этой встрече Эткинд рассказал о Горенштейне, книги которого во Франции имели шумный успех, назвав его крупнейшим русским писателем двадцатого века, «вторым Достоевским». Таким образом, в России Эткинд

возвестило Горенштейне за три года до выхода в Москве в издательстве «Слово» трехтомника писателя. Ленинградские литераторы хорошо помнят эту часть его выступления и в особенности слова: «Второй Достоевский».

Итак, в моем тексте возникает, выдвигается на сцену еще один литератор, еще одна очень крупная фигура в истории русской литературы (правда, без Нобелевской премии), спасаемая нашим преподавателем. Эткинда удивило, что произведения мастера не были известны в мире литературно-художественного андеграунда 70-х годов и не появились при советской власти даже в самиздате – об этом он и написал в своей статье «Рождение мастера» в журнале «Время и мы». Эткинд неоднократно пытался исправить ошибку литературного истеблишмента, совершенную с Горенштейном, просчет (оплошность?), из-за которого в течение двадцати с лишним лет его романы не читал не только широкий, но и «узкий» читатель. Приведу для наглядности характерный пример: роман Владимира Кормера (тоже писателя трагической судьбы) «Наследство», как и роман «Место» посвященный тайным организациям хрущевской оттепели, все же появился в «самиздате» в 1979 году.

Осенью 1980 года в Вене Ефим Григорьевич случайно оказался почти соседом Горенштейна – он жил в одной из квартир Венского университета, куда был приглашен читать лекции. Горенштейн жил на Кохгассе 36, апартамент 23, второй этаж (из Вены писатель через некоторое время сумел переехать в Берлин). При первой встрече известный (легендарный даже) ученый, литератор и поэт-переводчик показался Горенштейну совсем молодым (Эткинду было 62 года). «Содержания беседы не помню, – писал Горенштейн, – но если говорить о моей биографической жизни, то эта исходная точка нашего с Ефимом Эткиндом сюжета была безусловно важна для моего нового биографического времени» (Беседы с Ефимом Эткиндом. Зеркало Загадок, 2000, 9.)

Венская встреча и в самом деле оказалась исходной точкой для Горенштейна, поскольку Эткинд старался изо всех сил помочь ему пробиться сквозь дебри литературных препон.

Недоверие к «перемещенному лицу» – обычное явление, в том числе и в Германии. Касается это и издательств. С одной стороны, поэту, художнику, как бы даже положено романтически странствовать, скитаться по свету. Но с другой стороны... С другой стороны, конечно, настораживает, если странствие чересчур затянулось. Тот факт, что в Британскую энциклопедию в свое время не был внесен парижский эмигрант Иван Бунин, Нобелевский лауреат, тогда как Константин Федин, писатель, живущий дома, у себя в России, был туда занесен, весьма показателен. Спустя полвека ситуация писателя-эмигранта мало изменилась. Недоверие к пришельцу осталось незыблемым. За год до приезда, в 1979 году, роман Горенштейна «Искупление» был переведен на немецкий язык и опубликован в Берлине весьма солидным издательством «Люхтенгарт». Однако талантливого романа оказалось недостаточно. Необходимо было авторитетное слово. А где же взять такого, безусловно авторитетного человека, который мог бы поручиться за талант, свое веское слово сказать, к которому бы прислушались? Им оказался все тот же рыцарь литературы, во имя нее неоднократно пострадавший.

Рекомендация Эткинда, наконец, возымела действие. В девяностых годах издательством «Ауфбау» было опубликовано семь книг Горенштейна, издательством «Ровольт» – три. Среди них произведения, написанные уже в Берлине на Зэксишештрассе: повести «Улица Красных Зорь», «Последнее лето на Волге», пьеса «Детоубийца», несколько рассказов, а роман «Летит себе аэроплан» издавался на немецком языке три раза. О Горенштейне тогда много писали во влиятельных немецких газетах и журналах, попеременно называя его то «вторым Достоевским», то «вторым Толстым». На смерть Эткинда Горенштейн откликнулся эссе «Беседы с Ефимом Эткиндом», которое ни в коем случае не желал называть «некрологом».

«И вспоминаю последнюю встречу у меня на квартире в Берлине осенью 1998 года. Я по просьбе Ефима читал финальную сцену «В книгописной монастырской мастерской» из моего многолетнего труда «Драматические хроники времен Ивана Грозного». Ефим остался очень доволен финальной сценой. Я помню его слова: «Хорошо, очень хорошо». Был доволен и я. Не то, что я был ориентирован на чужое мнение. В целом я хвалю и ругаю себя сам. Но в данном случае был многолетний, давящий на меня труд, и был Ефим Эткинд, вкусы которого я, несмотря на те или иные разногласия, высоко ценил. Потому так обрадовала меня его похвала, и даже подумалось: теперь и Ефим взял на себя тяжесть многолетнего моего труда, облегчая мне ношу» (Зеркало Загадок, 2000, 9).

Мемуары

* * *

Летом 2002 года я посетила мою бывшую преподавательницу литературоведения Дину Клеметьевну Мотольскую (ее уже нет в живых), впервые приобщившую меня когда-то на профессиональном уровне к литературе – я уже не говорю о ямбе и хорее, которые научила друг от друга отличать. Сидели мы, единомышленники, за столом – Дина Клементьевна, слепая и почти глухая, моя бывшая однокурсница Рита Заборщикова и я, держась за руки, и говорили только о возвышенном и прекрасном, – о литературе, о высоком ее предназначении, и Дина Клементьевна просила меня рассказать о Горенштейне, которого – она это сама слышала двенадцать лет назад – Эткинд назвал «вторым Достоевским». Зная о дружбе моей семьи с Горенштейном, она просила, чтобы я рассказывала о нем – образ этого трагического писателя был для нее значим не менее, чем звезды на небесах. Она просила писать о нем. Дине Клементьевне принадлежит выражение, ставшее обиходным в нашем кругу: «Лучше текст написанный, чем ненаписанный» (я последовала совету Мотольской и впоследствии написала книгу о Горенштейне, уделив в ней значительное внимание Ефиму Эткинду).

Выступление Эткинда запомнилось и другому моему бывшему преподавателю – профессору Владимиру Георгиевичу Маранцману. Маранцман происходил из итальянских евреев, спасшихся некогда от Гарибальди в России. В семье сохранился итальянский язык, и Владимир Георгиевич знал его в совершенстве. Он еще в 60-х годах посещал родственников в Италии, привез много книг по искусству, а затем проводил с нами, студентами, семинары по истории культуры Италии.

В конце 70-х, когда я уже давно была погружена в семейные заботы, шла я однажды по Казанской улице, и вдруг между колонн Казанского собора увидела Маранцмана в черном длинном плаще и чайльдгарольдовской шляпе. Весь вид его, подчеркнуто поэтический и одновременно благородный, резко выделял его в пространстве соборной площади у Невского проспекта. Я невольно залюбовалась этим образом законченного романтика среди будничной дневной суеты. И, дабы не нарушить эту красоту, это «итальянистое» видение у собора, напоминающего римский собор Святого Петра, я спряталась за одной из многочисленных его колонн и долго, с нежностью смотрела вслед удаляющемуся поэту.

В 1999 году Маранцман опубликовал свой перевод «Божественной комедии» Данте. Это был, кроме всего прочего, и поступок, поскольку после блистательного Михаила Лозинского переводить «Комедию» не осмеливался никто. Возникли вдруг петербургские интриги, автора обвиняли даже в том, что он не знает итальянского языка (второго родного языка Маранцмана). Эткинд незадолго до смерти прочитал его «Ад» и остался доволен как переводом, так и уникальным комментарием. Маранцман считал себя учеником и последователем Эткинда – сторонником следования оригиналу (ритму, мелодии и сохранению размера стихов). С горечью узнала, что после смерти Маранцмана в Петербурге изымаются из обращения его вольнолюбивые учебники по литературе, созданные в годы перестройки, и предлагаются учебники других авторов.

Воспользуюсь случаем, чтобы процитировать отрывок из некролога Эткинду внезапно ушедшего из жизни Владимира Георгиевича Маранцмана. Его суждения о бывшем коллеге и друге прекрасны и характеризуют Маранцмана как уникальную личность:

«В Ефиме Григорьевиче жила и эта нежность доброты, и эта дерзость вызова. И поэтому его до самозабвения обожали женщины, что с ними нынче редко случается. Море добрых дел, которыми одаривал Е. Г. Эткинд людей достойных и незначительных, неизмеримо. И это шло не от самолюбивой снисходительности всемогущего мэтра, а от того, что он умел бескорыстно, по-детски радоваться удаче других. Он мог, получив новый перевод, сказать: «Вы – гений». Он мог провожать человека долгим, внимательным, запоминающим взглядом. (...). Смелость его иронии всегда дразнила важных персон. В нем была бесстрашная отвага гасконцев и печальная мудрость библейских пророков, достоинство русского интеллигента и отточенное изящество дипломата».

Мемуары

* * *

Из трех спасаемых Эткиндом крупнейших русских писателей второй половины двадцатого века (если не бояться преувеличений, то можно сказать: столпов русской литературы) – Бродского, Солженицына, Горенштейна – благодарным за спасение оказался только Горенштейн, тот самый Фридрих, на которого в русской литературе установился устойчивый дискурс: «трудный, неуживчивый человек». Или же: «неуживчивый человек, оттого и трудности».

Итак, политический скандал вынес Иосифа Бродского на суд высших «литературных инстанций». В 1972 году Бродский эмигрировал в США, и Нобелевскую премию он получал уже как гражданин Соединенных Штатов. Людмила Штерн в своих воспоминаниях сообщает, что впоследствии Бродскому невыносима была мысль, что «травля, суды, психушка, ссылка – именно эти гонения на родине способствовали его взлету на недосягаемую вершину славы». Он даже отказался от общения с одним из своих заступников Ефимом Эткиндом после выхода в 1988 году его книги «Процесс Иосифа Бродского». Увы, Эткинд рассказывал мне то же самое.

После публикации в «Новом мире» «Одного дня Ивана Денисовича» советская печать в застойные годы не издавала Солженицына. Уместно в контексте данного очерка вспомнить, что литературный редактор судьбоносного тогда журнала Анна Берзер «Ивана Денисовича» сумела «протолкнуть» (а, как потом стало известно, повесть Солженицына была опубликована еще и по личному распоряжению Хрущева), а спустя три года «Зиму 53-го года» – «протолкнуть» не смогла. Горенштейн, работавший после Горного института на шахте и ставший жертвой обвала, в своей повести со всей очевидностью полемизировал с солженицынской повестью: труд советского человека иной раз нисколько не лучше подневольного каторжного труда в сталинских лагерях. Положение, в котором находился главный герой повести Ким, сын «врага народа», ничуть не лучше положения Ивана Денисовича. Более того, в то время, как у Ивана Денисовича остается хотя бы надежда выжить и освободиться, «свободный» Ким знает, что надежды нет – «освобождаться» можно либо в лагеря, прямиком к Ивану Денисовичу, либо в смерть, что, собственно, и произошло, когда исчезла последняя опора жизни – любовь к ней. Во вступительной статье Инны Борисовой к книге Анны Берзер «Сталин и литература» [А. Берзер. Сталин и литература. Звезда, №11, 1995. Вступительная статья редактора «Нового мира» тех лет Инны Борисовой. Инна Борисова была другом Фридриха Горенштейна], рассказывается о скандале, возникшем в «Новом мире» в связи с тем, что Анна Самойловна приложила максимум усилий для того, чтобы опубликовать «Зиму 53-го года». «Ей не удалось опубликовать повесть Фридриха Горенштейна «Зима 53-го года. Эта история едва не окончилась уходом ее из журнала. Но Твардовский ее не отпустил».

Произведения Солженицына публиковали за границей, и это не нравилось советскому руководству. В 1969 году Солженицына исключили из Союза писателей, а в 1970 году «Архипелаг Гулаг» был удостоен Нобелевской премии. Солженицына и Эткинда шельмовали параллельно и почти одновременно отправили за рубеж в 1974 году. Солженицына в феврале доставили самолетом в ФРГ, Эткинда в апреле буквально выгнали по израильской визе, что заведомо должно было его лишить диссидентских привилегий. Солженицын вспоминал: «Сам Е. Г. Эткинд был в дружбе со мной неотрицаемой, к моменту высылки уже полных 10 лет... и изо всех действующих лиц... только он еще получил открытое сотрясение, публичное бичевание и вытолкнут за границу». У Эткинда были приглашения нескольких заграничных университетов. Он пытался выехать на два года, с советским паспортом, как М. Растропович, В. Максимов, В. Некрасов. Но ему ответили, что для него возможен только один выезд – через Израиль, то есть с потерей подданства. Горенштейн, выехавший, так же, как и Эткинд, без заграничного паспорта писал: «Таким образом, мне пришлось ехать *рядовым эмигрантом-евреем*» (курсив мой, М. П.).

В октябре 1996 года мы вчетвером (Фридрих Горенштейн и я с мужем Борисом Антиповым и сыном Игорем Полянским, главным редактором «Зеркала Загадок») побывали в гостях в Потсдаме у Эткинда и его жены Эльки Либс-Эткинд (германиста, профессора Потсдамского университета; они были женаты тогда уже три года). Эткинд тогда уже публиковался в нашем журнале. Так, в «Зеркале Загадок» были напечатаны две его значительные работы: «Русская литература и свобо-

да» и «Две еврейские судьбы. Читая дневники Виктора Клемперера». Мы сидели на балконе за небольшим круглым столом, и Фридрих впервые признался, что оплакивает своих умерших героев. Впоследствии мне довелось самой видеть, как писатель оплакивал – по лицу его текли слезы – смерть одного из героев только что написанной им пьесы: это были слезы по Василию Блаженному.

На балконе у Эткинда, на фоне старой липы с могучим стволом и ветвями, осыпанными золотыми осенними листьями, легко рассказывалось о тайнах творчества. Фридрих говорил, что по мере приближения конца произведения, понижается «статус» писателя по отношению к созданным образам, и, наконец, он перестает быть творцом. И тогда появляются слезы. Эткинд переводил рассказ Фридриха о проливаемых слезах Эльке, и эта исповедь произвела на нее большое впечатление.

В тот вечер Эткинд рассказал нам о заявлении Солженицына: «И надо же мне было до такой жизни дойти, что я вынужден был принимать помощь у еврея!» То есть у Эткинда. Который из-за Солженицына был отторгнут от России. Цитирую Солженицына: «Даже в Таврический дворец – посмотреть зал заседаний Думы и места февральского бурления – категорически отказано было мне пройти. И если попал я туда весной 1972 года – русский писатель в русское памятное место при «русских вождях»! – то риском и находчивостью двух евреев – Ефима Эткинда и Давида Петровича Прицкера...». (Новый мир, 1991,12).

В рассказе «Русский писатель и два еврея» Эткинд подвел печальный итог «неотрицаемой» дружбе: «Странно, что Солженицын не увидел солидарности тех, кто причастен к культуре, не оценил независимой от состава крови потребности интеллигенции к взаимоподдержке. А ведь именно такая солидарность увенчала автора «Ивана Денисовича» Нобелевской премией, помогла ему преодолеть изгнание и победителем вернуться в Россию».

* * *

Вечером 22 ноября 1999 года в Потсдаме на 82-м году жизни после тяжелой операции скончался последний из плеяды русских просветителей, замечательный поэт-переводчик Ефим Эткинд.

Тело его было кремировано. Мне не известно, почему и кем было принято решение о кремации, противоречащее как еврейским, так и христианским традициям, но очевидно, что принятие такого решения было сопряжено с трудностями захоронения Эткинда рядом с первой женой, погребенной во Франции. Мне (а также моему мужу Борису Антипову и сыну Игорю Полянскому) довелось вместе с Фридрихом Горенштейном и Шимоном Маркишем присутствовать на траурной церемонии и поминках, состоявшихся в его потсдамской квартире. Урна с прахом затем была перевезена в Бретань, в селение Ивиньяк и захоронена рядом с первой женой Ефима Григорьевича Екатериной Федоровной Зворыкиной, которая, по его собственным словам, разделила его судьбу. Горенштейн за три года до собственной кончины писал:

«Я пишу «Ефим», ибо сам Ефим Григорьевич попросил так себя называть, хотя нас разделяло солидное временное пространство. А теперь нас разделяет солидное географическое пространство. Где эта земля Элизиум – Елисейское поле Гомера? Если верить Гомеру, то на западном краю Земли, на берегу Океана. И теперь уж придется беседовать с Ефимом Эткиндом только там, на гомеровских Елисейских полях. Эти беседы нужны мне, ибо уход Ефима Эткинда из наших краев – большая для меня личная потеря».

Бродский, Эткинд, Горенштейн, Солженицын – все они ушли из жизни. Полное безусловное признание в России и главные почести выпали на долю Александра Исаевича Солженицына. В Москве создано солидное учреждение «Дом Русского Зарубежья имени Александра Солженицына», творчество его изучают в школе, так же, как и творчество Гоголя и Достоевского – он объявлен классиком. Изучаются три произведения: «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор» и в сокращенном варианте «Архипелаг Гулаг». Именем его названы улицы многих городов – всего не перечесть. Воистину пророческим оказалось его шуточное конспиративное имя, бытующее в среде друзей Эткинда: ВПЗР. Что означало: Великий Писатель Земли Русской.

Иосиф Бродский принят новой Россией, разумеется, не с таким почетом, как Солженицын, но все же – принят. Признанным, уважаемым литератором является Ефим Эткинд (несмотря на унизительные процедуры возвращения ему регалий в нашем «Герцена» в 1989-м и 1994-м годах – это отдельная,

другая история). Архив его находится в петербургской Российской национальной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. В Петербурге в Европейском университете учреждена Международная премия имени Ефима Эткинда.

Но по-прежнему с трудом протискивается в Россию Фридрих Горенштейн. «Возможно, со времен Бунина страну не покидал писатель столь крупного дарования, – писал Юрий Клепиков, – сомнительное утверждение? Никому не навязываю. Не упущу упомянуть об одном совпадении. Оба стали эмигрантами в сорок восемь лет. Возраст могучей творческой зрелости. Разность в реальном положении чудовищна по своему драматизму. Бунин европейски известен, академик словесности, автор не один раз изданных собраний сочинений. Горенштейн опубликовал за двадцать лет работы один-единственный рассказ. А его романы, повести, пьесы, способные составить большое имя, спрятаны в сундуке. Не знаю, как все это оказалось на Западе. Легко догадаться, скольких седых волос это стоило писателю». (Октябрь, 2002, 9).

Между тем, тяжелый маятник часов качается из стороны в сторону, отбивая неумолимые удары, наперекор превратностям судьбы, а друзья писателя, вдохновившие меня на создание книги «Я – писатель незаконный…» (во втором издании – «Плацкарты и контрамарки», третье с названием «Берлинские записки о Фридрихе Горентшейне» выйдет впервые в России в конце 2010 года), все еще ожидают чуда нового рождения Фридриха Горенштейна.

Возникает вопрос: а как к возвращению творчества Горенштейна в Россию относится «Дом Русского Зарубежья имени Солженицына» и в особенности его Отдел литературы и печатного дела Российского Зарубежья, собирается ли проявить инициативу? Разумеется, не все могут знать учреждения. Могут и не знать.

Способ, как творил Создатель,
Что считал он боле кстати,
Знать не может председатель
Комитета о печати.

А. К. Толстой, конечно, прав: не все могут знать люди и учреждения. Однако, заглянув на сайт «Дома Русского Зарубежья» и ознакомившись с его деятельностью, охватывающей и курирующей русскую культуру чуть ли не всего земного шара, усомнилась я в их неосведомленности и заподозрила в тенденциозности, ибо размах деятельности учреждения напоминает даже и тютчевскую «Русскую географию»:

От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...

Если бы знать, как взирает на все это мой любимый литератор Ефим Эткинд с Елисейского поля Гомера, что на берегу Океана с его неумолчным шумом неистовых волн, напоминающем о первобытном хаосе? Может быть, что-то нашептывает ему Океан? Доволен ли, или же недоволен плодами трудов своих и страданий, или что-то тревожит его в распределении регалий для крупнейших русских литераторов, изгнанных из Советской России?

И утешеньем служит мне надежда: в иных мирах для лучших из лучших все же есть «литературный» уголок, где все равны перед законами искусства. Его узрел в своих видениях Данте. Это –«novile castello», благородный Лимб. Там автор «Илиады» всегда держит в правой руке меч, символ первенства в эпической поэзии. Гомер – монарх поэтов многолетний, сатирик наш Гораций вслед идет, Овидий – третий и Лукан последний. И каждый имя гордое несет. (Из перевода русского интерпретатора «Комедии» Маранцмана.) Великолепная перспектива для истинного литератора: беседа благородных теней в благородном замке, там, где завтрашний день неотличим от вчерашнего, или же от сегодняшнего. Дискуссия о сущности истинного искусства, которой не будет конца. Занавес.

Наследие

Валерий ПРОКОШИН

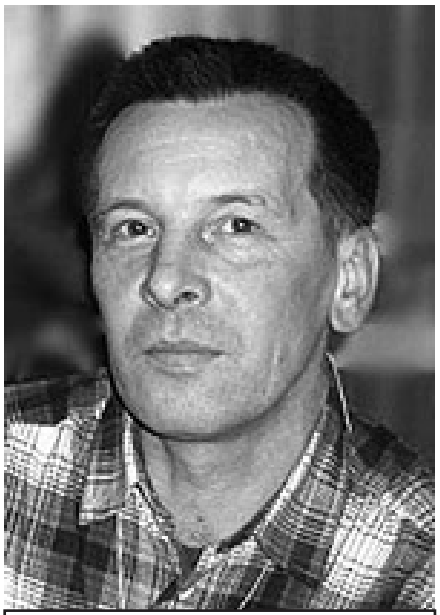
/1959 — 2009/

Неопубликованные стихи из книги «ВОРОВАННЫЙ ВОЗДУХ»

Валерий Иванович Прокошин — русский поэт. Вырос в фабричном бараке в маленьком текстильном городе Ермолине Калужской области. О себе позже сказал: «Я — обычный советский пацан, алкаша и уборщицы сын». Служил в Советской Армии. Жил в Обнинске. В 1991 и 1992 гг. издал за собственный счет книги стихов «Поводырь души» и «Боровск. Провинция». Широкую известность получил после публикаций в Интернете: «Сетевой словесности», «Византийском ангеле», в ЖЖ, «Футурум АРТе», «Детях Ра», «Флориде», «Вечернем гондольере», «Две строки / шесть слогов». Умер в Обнинске, похоронен в Ермолине.

АРТХАУС

а вечером пойти в кинотеатр «35 мм»
на старенький фильм «Mala Noche», 1985 года
посидеть в последнем ряду как бы в прострации
понять, почему Гаса Ван Сента ненавидят мужчины
традиционной ориентации:
натуралы, нацболы, скинхеды, качки, коммунисты…
а может быть, наоборот – это он их не любит за что-то.
…возвращаться домой под моросящим дождем
засунув влажные руки глубоко в карманы брюк
рифмуя слева направо и наоборот
Гаса Ван Сента с Винсентом Ван Гогом
Винсента Ван Гога с Гасом Ван Сентом
Гаса Ван Сента с Винсентом Ван Гогом
Винсента Ван Гога с Гасом Ван Сентом



Валерий Прокошин

СТЕПЬ

1

если степь начинается здесь и сейчас
от дороги, ведущей в советский Канзас
значит, незачем было толпиться
просто мы малолетки и нам нелегко
на губах не обсохло еще молоко
из-под дикой степной кобылицы

но в два раза быстрее взрослеет спецназ
и под формой, которую шили без нас
нарастает и мясо, и пенис
у Ербола во взгляде испанская грусть

Наследие

прочитав перед сном «Отче наш…» наизусть
мы играем в бильярд или теннис

степь под нами распахнута, как на духу
но такое спокойствие в потном паху
energizer, верни батарейку
где-то слева сирена, волхвов голоса
и Ербол просит женщину на полчаса
хоть цыганку, хохлушку, еврейку

если бродишь в степи под назойливый лай
постепенно меняешь оффлайн на онлайн
ухмыляясь дорожному знаку
на рассвете, когда степь почти синема
автоматная очередь – спьяну, с ума
это мы пристрелили собаку

стало тихо в степи, где вы прокляли нас
впереди неожиданно вырос Канзас
мы вернулись, Ербол, из разведки
но московский камо внес нас в список потерь
два на два на погосте, не веришь – проверь
здесь всегда двести двадцать в розетке

2

вся степь теперь – сплошной гламур, литература
вернешься в дом и сгинешь в чреве Байконура
не докурив косяк, не доиграв в футбол
скажи, Ербол

ты пыль глотал с несуществующей границы
и харкал кровью на библейские страницы
а степь лежала, словно баба в образах
молчи, казах

не сыпь мне сдуру гексоген под иномарку
мы пастуха опять меняем на свинарку
и степь вспахали под киношный Шаолинь
Ербол, прикинь

прикинь, еще задолго до тебя – вот дура
другому отдалась казахская Лаура
а ты кончал один у черта на печи
казах, молчи

нам нынче не нужны ни Чехов, ни Набоков
мы в степь уйдем с толпой обрезанных пророков
Кенжеев круче всех из тех, кто не по лжи
Ербол, скажи

поешь: все степь да степь – без выхода и входа
любовь к родной земле страшнее, чем свобода
окаменела соль в заплаканных глазах
прости, казах

3

Целина обманчива, я был слеп,
Был мне знак-видение типа «stop».
Я пишу из прошлого в стиле стэп:
Это степь, любимая, в стиле стеб.

Мне не надо жалости, mon amie,
Я пошлю всех в Грецию или на…
Я пишу из прошлого, ты пойми,
Вывожу заветное: це-ли-на.

Это просто мания типа спам.
И пока я пьянствую с другом, спи,
Спи, моя любимая, я и сам –
Вечною сомнамбулой в той степи.

Я рисую в воздухе город Х
Для тебя, любимая. Ну и что ж,
Что течет за городом речка Стикс,
Но за речкой Стикс колосится рожь.

* * *

Мы играли, мы играли
На расхристанном рояле
В бывшем храме типа в клубе, рядом с кладбищем, прикинь.
А теперь стоим у входа:
Кто последний, тот и вода.
Уронила Таня крестик прямо в горькую полынь.

В честь советского погрома
Вышел фуфел из дурдома,
Рассказал про все, что было. А ты, сука, не сажай.
Мама мыла мылом Милку
А И.Б. сослали в ссылку
То ли в rambler, то ли в yandex, то ли вовсе за можай.

А в России, между прочим,
Секса нет. Мы просто дрочим,
Кто по разу в день, кто – по два… онанист как аноним.
У соседки шуры-муры
С привкусом литературы –
Спать ложится с Мандельштамом, просыпается с другим.

Наследие

Шла машина с левым лесом,
Фуфел скачет мелким бесом
Между вновь открытым храмом и высоткой на крови.
Жизнь опять идет по кругу:
Где же вьюга? Дайте вьюгу!
Таня плачет, вода водит – все по правде, по любви.

* * *

Счастье – это халтура,
Сказка, мечта, мура…
В общем, литература
От Фомы и Петра.

Ради любви де-юре
С вечера до утра
Искажена натура
Росчерками пера.

Рухнула арматура
Времени. Гаснет бра.
Стынет в дверях фигура
Женщины… Бред, жара.

– Здравствуй, моя Лаура,
С кем ты была вчера?
Кнопок клавиатура…
Сладкий ожог бедра.

Сбита температура
Холодом со двора.
И за спиной Амура
Завершена игра.

Неба ночная шкура
Рвется о край ведра.
Смотришь на время хмуро,
Шепчешь: – Прощай, пора.

Не пропадай, Лаура,
Волнами серебра.
Бог тебя создал, дура,
Из моего ребра.

* * *

На задворках любви
Секс похож на болезнь.
Ты блуждаешь в крови,

Как греховное «есмь».
Помнишь, как я сказал,
Вытирая слезу:
Если будет гроза –
Не ходи на грозу.
Но ни слова в ответ,
Разделившего нас.
Заплатила за свет,
Рассчиталась за газ.
И ушла полосой
Ливня – в пятом часу.
Говорят: за грозой.
Говорят: на грозу.

* * *

Зимой в Крыму почти тоска, воспоминаний хмель,
И чаще прозе, чем стихам, отстегиваешь дань.
Уехать бы ко всем чертям за тридевять земель –
В Казань, Рязань, Тмутаракань… короче, в глухомань,
И пусть состарившийся Бог качает колыбель.

Зимою Крым со стороны похож на акварель.
Я помню этот сон во сне в разводах января:
Пастель двух обнаженных тел, струящихся в постель,
И виноградный свет луны в осколках янтаря…
Зачем мне через двадцать лет озябший Коктебель?

Зимою память слаще, чем из детства карамель,
И я сквозь горечь лет не раз заглядывал за грань
Своей любви, когда спешил за тридевять земель –
В Нахичевань, Назрань, Тайвань… в любую глухомань.
Но всюду Бог. Он до сих пор качает колыбель.

ВОРОВАННЫЙ ВОЗДУХ

Мне холодно, мама. Январь
Безумствует, всеми забытый, –
Сжигает земной календарь
Недавно прошедших событий.
Теперь, после стольких потерь,
Вся здешняя жизнь — нелюдима.
Оскалилось время, как зверь,
В сугробе табачного дыма.
Теперь только маковый бред
Сжимает бессильное сердце...
Мне холодно, мама. И нет
Такого тепла, чтоб согреться.

Наследие

* * *

Больничный сад почти совсем заглох.
И все сплелось: и место, и причина,
И волхв залетный, и летящий лох,
И ангел перелетный – made in china.

Летит листва на грязный тротуар,
И дети вновь играют в чьи-то игры:
И гонят прочь волхва, кричат ура,
Не зная, что уже приехал Ирод.

Но все сплелось: и век, и лох, и сад,
И свет звезды, и ангельское слово,
Как два тысячелетия назад.
Ничто не вечно и ничто не ново.

***

Подумаешь, зима – глухое время года:
Кричи – не докричишься, в конце туннеля – снег.
Вино с добавкой спирта и хлеб с добавкой йода,
И самый первый грех.

Край неба, посмотри, в серебряной наколке,
И катится куда-то луны пустой пятак.
Мне холодно, мессир, у новогодней елки
И одиноко так.

Скажи мне, что я лох, как пресловутый Грека,
Скажи мне, что я ЧМО, какой-нибудь Ван Гог.
Мессир, мне все равно: зима какого века
Лежит у наших ног.

Мессир, я так устал, что хочется покоя
В какой-нибудь стране, где только снег и свет.
Не говори мне: да, м.б., и все такое,
Не говори мне: нет.

СКАЗКИ СССР В MP3

СНЕГУРОЧКА

Жили-были. И поэтому
Не грешили от властей,
И молились богу медному,
Даже трахались по бедному
После лучших новостей.

Наследие

У последнего окурочка
Привкус счастья – навсегда.
Что ты плачешь, дочка-дурочка,
Это оттепель, Снегурочка,
Скоро снова холода.

На советском голом заднике
Стало тесно от Иуд.
Это все шестидесятники
Типа адские десантники.
Евтушенко тут как тут.

Блещет звездами майорскими
Бог, обутый в «керзачи».
Солженицыны-твардовские
Затыкают рот мордовскими
Лагерями: замолчи!

Пусть хранит от горя деточку
Свет далекого Кремля.
За обманутую вербочку
Пусть им будет небо – в клеточку
И в полосочку – земля.

Пьяный день ушел из города,
Стынет кровь у молодых.
Зелено не значит молодо.
Для России норма холода:
Минус сорок – на троих.

Льется ночь из переулочка,
Из-за каждого угла.
Что ты плачешь, дочка-дурочка,
Это оттепель, Снегурочка,
В нашем городе была.

Разобрали палисадники,
Будто завтра на войну.
Это все шестидесятники,
Как булгаковские всадники,
Растревожили страну.

ЧЕБУРАШКА

В середине советских застойных времен
Он попал в черный список нездешних имен,
Обделенных партийной любовью.
Сирота, чебурашка, почти что казах,
С непонятной совковой печалью в глазах.

Наследие

ЧМО* – как символ всему Подмосковью.

Помнишь, были и праздник, и пряник, и кнут,
И ненужный уже никому пятый пункт,
Перестройка с ножом и гитарой.
Если б только не тройка, семерка и туз,
Если б не проиграли Советский Союз,
Чебурашка мог стать Че Геварой.

Валят лес, пилят бревна, готовят дрова,
Сортируя людские дела и слова.
Не смотри, как чужой, на поленья.
Чурка к чурке, как братья – в священном огне.
Кто ты здесь, в этой Богом забытой стране?
ЧМО** – как символ всего поколенья.

* – человек московской области
** – человек морально опущенный

Мемуары

Сергей ШАБАЛИН

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ДАЕНА

Двадцать первого ноября 2010 года, в Нью-Йорке, в собственной квартире, умер Алексей Даен – известный поэт, прозаик, переводчик и фотограф. Ему было 34 года.

Я был в постоянном контакте с Алексеем, и это был обыкновенный звонок другу, которому в последние дни нездоровилось. Часы показывали без пятнадцати одиннадцать. Но на мой звонок почему-то ответил наш общий знакомый – живущий в двух кварталах от дома Даена и часто бывавший у него в гостях.

– Привет, Сережа…

– Привет. Как там у Леши дела?

– Леша умер… сегодня утром…

…Я побежал к станции метро, но ватные ноги почти «не бежали». Не без труда преодолел лестницу ведущую на собвейную эстакаду и ввалился (другого слова не найдешь) в полупустой вагон, хотя меня никто не толкал в спину. Скрипучий поезд потащился через серое бруклинское утро.

«Ах, черт, сегодня суббота!..» По выходным дням в Нью-Йорке меняют маршруты, и поездка из одного конца города в другой иногда становится мучительно-долгим мероприятием… особенно в такой день!

Поезд ехал издевательски медленно, подолгу останавливаясь на станциях и застревая в тоннелях. Громкоговоритель дробил барабанные перепонки громкими, но бесполезными объявлениями. Сорока минут подобной езды более чем хватило…

Как только «антиэкспресс» пересек границу Бруклина и Квинса, ко мне внезапно вернулась энергия – это была нервная энергия, порожденная страхом, и я, выскочив из подземки, тормознул подвернувшийся под руку желтый кэб. Повезло хоть в чем-то – в этом забытом Богом районе поймать такси совсем непросто. Водитель-индус спросил откуда я родом (стандартный вопрос в эмигрантском Нью-Йорке).

«Из России… У меня сегодня друг умер…» – пробормотал я в ответ. Таксист проникся услышанным и произнес по-индийски, что-то похожее на заклинание.

…Алексей лежал на полу гостиной, завернутый в одеяло. Лицо было закрыто. Вокруг пятна крови. У входа в квартиру дежурил полисмен…

Наверное, это стандартная картина – так и бывает в таких случаях… но бред, бред…

Мы познакомились с Лешей весной 2001 года при довольно смешных, во всяком случае, сейчас они мне кажутся смешными, обстоятельствах. Хотя в тот момент ничего смешного, конечно, не было – нас избили на выходе из известного нью-йоркского ресторана «Самовар», где мы сидели за стойкой бара, изрядно приняв на грудь. За противоположным столом тусовалась группа крепких парней, я бы сказал торжествующе-жлобского вида. Пацаны кадрили девушек. Вроде бы обыкновенная картина, что тут может раздражать? Но в ту пору мы еще боролись с ветряными мельницами. Особенно Даен.

Я непроизвольно бросил на пацанов презрительный взгляд, но отвернулся, и все могло безболезненно закончиться на этом эпизоде. Но Алексею (я не знаю, заметил ли он мой взгляд) этого показалось недостаточным. Он подошел к противоположному столу и громко произнес: «Как они могут разговаривать с девушками, если они не читали Борхеса и Кортасара, Кастанеду и Бродского!..»

Оскорбленная четверка парней ждала нас на выходе из бара. Номинальной мишенью стал я, но «обратились» они к Леше:

— Что у тебя друг за мудила?

— Уроды. Это поэт!

Посыпались удары. Меня ударили в сонную артерию и повалили на асфальт. Лешу продолжали бить… ногами.

На следующий день он позвонил мне и сказал: «Я к тебе сейчас приеду».

«Приезжай». И он приехал. Из квартиры на 38-й и Парк авеню в мое тогдашнее логово в Бронксе.

Я сразу почувствовал, что передо мной неординарный человек. Что в общелюдской и, в частности, нашей эмигрантской «флоре и фауне», где все интересуются лишь покупкой земли в респектабельных пригородах или приобретением крутого автомобиля, обитает редкая и красивая птица – передо мной сидел совсем молодой человек, который пил водку из граненого стакана и читал наизусть Бродского и Айги.

Отмечу, что он был совсем не обделен земными благами – в то время он работал программистом в престижной фирме «Смит энд Барни», у него была квартира в сердце Манхеттена, свободные деньги, девушки… Но интересовали его, прежде всего, искусство и литература, а также богема и богемный мир (во всем его величии и уродстве).

Закончив с Бродским, он прочитал мне несколько своих, тогда еще незрелых стихотворений. Это было не важно. Я увидел, что передо мной – ХУДОЖНИК.

Художник по жизни… Мальчики и девочки, научившиеся писать грамотные вирши, в большинстве своем недопоэты. Потому что поэт – это еще и образ жизни – определенная модель существования, от которой Даен не отступал ни на шаг.

Наша дружба не всегда была безоблачной. Мы не только дружили, но и ссорились. Однако сейчас я хочу рассказать о том, как мы мирились. Потому что происходило это при самых невероятных обстоятельствах.

Весной 2002 года я не общался с Даеном около двух месяцев – и уже не помню, что стало причиной ссоры. Но помню, что где-то через месяц после нашего конфликта я познакомился с очаровательной казанской девушкой и вскоре переехал к ней. Моя новая подруга жила в Бруклине, на ист 3-й стрит и авеню Экс. Мне нравился новый район, и я практиковал частые прогулки по нему, в одиночестве или вдвоем, с Лилей. И вот во время одной из прогулок мы случайно встретили на улице Даена! Произошло нечто невероятное – русский Нью-Йорк сегодня огромен, но случилось так, что Леша тоже познакомился с девушкой, которая жила на авеню Экс и Ист-3-ей улице, в здании, расположенном через дорогу от нашего! И эта девушка оказалась художницей, и мы стали, что называется, дружить домами. Вокруг нас образовалась любопытная компания, и мы обрастали все новыми и новыми знакомыми.

В те годы (я говорю о 2002-2003 годах) Даен организовывал поэтические вечера дома и на публичных площадках, приглашая интересных ему поэтов. И «на нас ходили» – да еще как ходили! На некоторых вечерах присутствовало по 70-100 слушателей, что немало даже для сегодняшней Москвы, а уж тем более для русской колонии Нью-Йорка. К тому же я вел тогда литературную программу на русскоязычном радио и анонсировал эти вечера в своей передаче.

Другая ссора произошла двумя годами позже. Даен к тому времени смертельно поссорился со своей бруклинской girlfriend и вернулся на 38-ю и Парк. Однажды я вполне осознанно, хотя и бесцельно бродил по западной части острова Манхеттен. Стоял теплый и какой-то тихий, по нью-йоркским меркам, осенний вечер, который совершенно не мешал полному погружению в собственные мысли. Вдруг меня кто-то окликнул. Я обернулся и увидел человека ехавшего в рикше. Это был Леша Даен в компании своей новой подруги.

— Шабалин! Залезай к нам в карету!

— Привет, Леха!

И мы покатили в коляске рикши по городу Нью-Йорку, а вечер, конечно же, закончился распитием «вискаря» и других горячительных напитков в Лешиной квартире.

Я пишу об этих эпизодах потому, что в них, как и в нашей первой встрече, было какое-то знамение сверху. И его ранняя смерть – это, конечно, какой-то посыл «оттуда», который нам всем еще предстоит осмыслить.

Он был неотъемлемой частью Нью-Йорка и не только русского Нью-Йорка, помогая громадному количеству людей со всех концов света. У него на месяцы задерживались визитеры из России, государств СНГ и различных городов Америки. Если нужны были деньги, то их одалживали у Даена. Они

у него почему-то всегда находились, даже тогда, когда он терял работу. Многие из тех, кому он помогал (я сейчас не хочу называть имен), позже повернулись к нему своим неблаговидным местом, но будучи по-настоящему широким и щедрым человеком, Леша никогда не думал о возврате добра, делая его.

2003-2008 годы – период бурной литературной деятельности Даена. В этот период из под его пера выходят книги прозы «На полке» и «Город вертикальный», сборники стихов: «Шестое апреля в Квинсе», «Треска печени», сборник стихов и переводов «Женщина справа». Среди переведенных им на русский язык американских поэтов: А. Д. Уинанс, Грегори Корсо, Джек Мишелин, М. Л. Либлер, Алдо Тамбелини, Джон Дотсон, Стэнли Кьюниц и многие другие. Он издает собственный журнал. Сотрудничает с фондом «Cross-Cultural Communications». Это дает ему возможность получать субсидии на издание книг современных российских поэтов. Фотография – еще одно увлечение Даена – он создал замечательную фотогалерею портретов писателей и живописцев разных поколений.

В эти годы он также знакомится почти со всеми известными русскими и американскими поэтами. С некоторыми из них его познакомил я, но, думаю, что Леша познакомился бы с ними и без моего посредничества, благодаря своей неуемной энергии (которая меня всегда поражала), природной коммуникабельности и подлинному желанию встретить этих людей. Отличительными чертами его характера были уже упомянутая энергия (драйв) и оптимизм, несгибаемый оптимизм, которого почти нет в его стихах, но который присутствовал в повседневной жизни Алексея, в каждом его движении и слове, даже тогда, когда он говорил о грустных вещах. Этот оптимизм не покидал его и тогда, когда он узнал свой страшный диагноз — рак печени и проходил многомесячное, мучительное лечение.

В это время я жил в Москве, но мы активно переписывались и общались по телефону. В августе этого года пришли хорошие новости: «Серега, я победил рак!» – писал он.

Вскоре после этого он вновь начал попивать, сказав друзьям, что получил от врача разрешение на возлияния. Более вероятно то, что никакого разрешения он на самом деле не получал. Приехав в Нью-Йорк и увидев, как он начинает свой день с коктейля «водка энд тоник» собственного изготовления, я почти накричал на него. «Старик, моя печень сейчас в лучшем состоянии чем твоя», – ответил он.

Тут нужно сказать еще об одной черте характера Даена – это был большой мистификатор. Да, Леша мог приврать. Но это вранье было совершенно безвредным… и художественным, что ли. В литературных справках о Даене, как и в некрологах, которые я успел прочитать, 1972 год фигурирует как дата рождения поэта, и никто никогда не сомневался в достоверности этих цифр. Довольно давно, когда я еще жил на упомянутой выше авеню Экс, Лиля (она была в профессиональном ладу с любой базой данных) как-то сказала мне, что Даен привирает свой возраст. Когда мужчина скашивает свои года, это вызывает усмешку, но Даен не уменьшал, а увеличивал цифру прожитых им лет и зим. Тогда я не очень поверил услышанному — ошибка, наверное… Но в прошлый понедельник — день похорон Алексея я получил неоспоримое подтверждение слов моей бывшей подруги – на небольшой металлической табличке, установленной на могиле поэта, значился не 1972-й, а 1976-й год рождения! Он умер в 34 года!

Зачем он придумал подобную легенду? Наверное, для того чтобы, образно говоря, быть на равных с людьми, которые старше его. Чтобы казаться человеком более опытным и искушенным. Чтобы можно было «на правах очевидца» поговорить, скажем, о второй половине семидесятых годов, которую он не мог помнить. Однако ему совсем не нужна была эта байка. В своей короткой жизни он прошел через все мыслимые и немыслимые испытания. Почти все его друзья – люди более старшего возраста, но мы всегда общались с ним на равных, потому что нам было интересно с ним.

Что еще можно сказать сейчас о Леше? Возможно, через некоторое время я смогу написать нечто более глубокое о близком друге и человеке, который, уйдя из жизни, оставил после себя ауру некой загадки. Я не могу сейчас ответить на все вопросы об Алексее (эти вопросы я задаю себе сам), хотя и знал его лучше других. Прошла всего лишь неделя после смерти Даена и более масштабное осмысление этой перевернутой страницы МОЕЙ жизни, наверное, придет позже. А сейчас главенствуют недоумение и периодически возвращающаяся боль.

27 ноября 2010 года

Наследие

Алексей ДАЕН
/1976 — 2010/

ВЗГЛЯД СНИЗУ. ПОСЛЕДНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ.

Алексей ДАЕН

20 ЛЕТ БАРХАТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Здесь можно жить —
запах влажных поленьев
сладковатый — в печи —
из трубы —
дым иссиня-серый —
улетает в сумерки
греть низкие облака
пока я охлаждаю гортань
вязким пивом
и Президент предлагает
надписать свой мемуар

ЧАЙКИ

Сергею Шабалину

Переглянулись чайки
и разлетелись —
вторя моим родственникам — близким и незнакомым —
на юг
и на запад
Сколько тех чаек было?

Эти мысли оказались весьма совместимы
с капелью
когда я направлял объектив на останки снега —
серого снега —
на скрюченых по-старушечьи ветках
дерева во дворе —
на фоне спортивной площадки
облюбованной детворой разноцветной
бьющей по мячам

головами-ракетками-ногами-руками
обращающей ноль внимания
на самолеты
певчих птиц
лающих собак
вой сирен
гудки авто
свисток регулировщицы в оранжевой жилетке
фотоаппарат в ожидании
перенацеленный на флагшток —
любимое место моей чайки

ЗВОНКИ

многие люди
считают себя моими друзьями
имеющими полное право
знать все о моей жизни

их вопросы
неразнообразны:

как дела?
что нового?
как твоя?
как здоровье?
что сказал врач?
когда появишься на людях?

и опять:
так значит
со здоровьем все в порядке?

порой не пойму:

то ли имя и номер мои
в их телефонных книжках
записаны карандашом

то ли они на последней странице

Наследие

СВЕТЛЯЧКИ/NYC

Ночью в квартиру мою светлячки залетают. Лежу с открытыми глазами и слежу.
Зеленоватые точечки вспыхивают и гаснут. Как и мысли мои. Тьма; и звезды зелены.
Четыре, нет, — пять их. Одни в метре от пола, другие в двух.
Один под потолок забрался — четыре с малым метра.
Вспышка крохотная и угасание вниз. Несколько прохладно. Градусов семнадцать.
По Цельсию. И не влажно. Идеальная пиджачная погода. Но ночь. И одеяло до кадыка.
Закрываю глаза. Пещеры перуджийские. Открываю — Марсово поле.
Закрываю — Чернобыль.
Открываю — Центральный Парк.
Закрываю — пепел ВТЦ. Открываю — красота.
Не спать, не спать! Но и не вставать — не мешать светлячкам творить чудесное.
Превращать мой угол в искусство должны они. Но черт дергает.
Встань и закури в унисон зеленым, — говорит.

Черное, красное, зеленое. Светлячки не залетают, когда дамы у меня ночуют.
Не хотят мешать? Или тайны о красоте хранят мои? Не спросить безмолвных.
Черчу прямые между ними. Эта форма на параллелепипед похожа,
а вчерашняя на звезду Спасской башни походила. И все на фоне квадрата черного.

Просыпаюсь. Ничто не снилось. Или не помню. Кофе черно-коричнев.
Выхожу на веранду засветло. Свежий ветер с реки волосы колышет.
Кто-то затормозил резко. Вдалеке. И кондиционеры молчаливы.
Не влажно, но будет к полудню. Влажность летнего города
с косой меня сопровождает.
Три месяца предынфарктного состояния.

В Москве, ровно год назад (июнь, 2006), пух тополиный ватой облегал пиджак мой,
а сейчас трехмиллиметровые зеленые деревьев семена в волосах.
И кофе с сигаретой в даль испаряются. Вернуться в кровать?
Или город предрассветный послушать? Второе.
Конечно, — второе!

А вот и птичка запела первая. Только природы ее не знаю.
Что слушать, впрочем, и не мешает. Да и в памяти рыться
в этот час неэтично по отношению к себе самому. А разум
в короткую даль дня устремляется. Но, работы кроме,
ничего не видит. Но, нет, вечер забрезжил. И женщина в нем.
И улыбка ее теплая, и смешинки у глаз. И стрекочет о чем-то.
Только голос и слышу. Музыкален он. И поддакиваю.
С чем соглашаюсь? Против чего протестую? Смотрю и улыбаюсь.
И взгляд ловлю. Нежный-нежный — винный.

И жестикуляцию зрачками пританцовываю.
И светает.
И светлячков не видать.

И тем же утром на улицу. Люди заспаны.
Дворники орошают тротуары холодной водой из шлангов.
И улыбаются.
Беру газету бесплатную из рук разносчика и гляжу в заголовки слепо.
Ничего не произошло, пока я спал. И это нравится.

Толчея на станции метро. Неверное движение равно попаданию под поезд.
А если визуально познакомиться со знаком равенства, то шпалы спасением выглядеть станут, хоть и норовят иначе.

Кое-как втираюсь в вагон. Не до поручня. Груди женские в живот мой упираются.
А личико — так себе. Сексуальна романтика часа пик.
Минуты дам.

ЗАЛ

новая клавиатура и напиток рядом, —
географически на параллели,
иной лишь градус
если приблизить объектив (50мм) на расстояние
38, то угол выбьет глаз — с корректировкой —
ниже 40, —
и так лучше

незаметно время
на угол градус разменяв
астигматизм флюоритом
баллом 5 раздвинуло —
пространство
между объектом и неважно —
чем за ним —
бокэ лишь гаммой

не дрогнуть — здесь момент
хотя и дрожь пойти на пользу может
как артистически-художественный шаг
к пустому залу —
зал после постройки пуст —
ни выблядка, ни прохиндея

штатив расставил ноги шире
он так и до мышей
до: макрообъективом

:лишь до вспышек —
сквозь диффузию
пластмасс

Наследие

ПОСЛУШАЙ ДЯДЮ!

резкий!?
ну, загнул ты, дядя.
в фотографиях, да и то — не всегда,
знаешь ли, рука с перепоя... не трынди... себе наливай.
а как слепок с лица... та посмертная маска?
что Сливка делал? да и сливки со Сливки не снимешь уже.
а в Уэльсе... да что в Уэльсе... как в Калифонрии — у Монтерея...
почти.
ни Монтень меня. о чем разговор-то?
ах, да! помню такого. кажется, он только вчера ушел.
или вышел.
и ты иди.

* * *

Полет Б-52
Быстрее
С мертвым самолетчиком внутри

ESCALATOR POEM

высокие ходят
в глаза
заглядывают
длинноногие
брюнетки
по Праги брусчатке
:не бл.ди —
женщины
ежедневно

(Эта подборка прислана Алексеем Даеным Евгению Степанову 16 ноября 2010 года, а 21 ноября Алексей скончался.)

Художник

Василий ШУБИН

Еще и художник
(рисунчатое слово Бориса Левита-Броуна)

Речь идет о необычной личности и об уникальном альбоме эротической графики, «HOMO EROTIKUS», опубликованном в Италии (Верона, издательство Cierre Grafica). Альбом вышел, по темпам нынешней жизни, можно считать – давно, в 1997 году, но о нем практически не писалось, хотя в интернет-интервью 2005 г. его создатель – поэт, прозаик и философ (а как выяснилось, еще и художник!), Борис Левит-Броун, прямо сказал: «Все, что я делаю, я делаю для России». Очень дорогая, изданная ограниченным тиражом (500 экз.), книга «HOMO EROTIKUS», сразу стала книжным раритетом. Но дороговизна тут не была самоцелью. Целью было высокое качество донесения материала, а это стоит дорого. И альбом, смакетированный художником по собственному дизайну, печатавшийся под его неусыпным контролем, получился действительно на уровне высочайших книгоиздательских стандартов Европы. Часть тиража была направлена автором в Россию, и отдельные экземпляры осели как в частных собраниях Москвы, Питера, Екатеринбурга, так и в крупнейших публичных библиотеках (Русская Национальная библиотека в СПб), и библиотеках ведущих музеев изобразительного искусства (Третьяковка, м. Пушкина). Но, увы, как всегда Россия мало ценит то, что делается для нее. А между тем издание это, эксклюзивное по уровню книгоиздательского мастерства, ценно, главным образом, как совершенно уникальное по изобразительному языку и образному строю художественное событие. От книг, в которых опредмечена высокая полиграфическая культура, мы как-то уже поотвыкли за кондитерской вульгарностью современных отечественных изданий. Ну а уникальные художественные события – тут вообще привычка не формируется, это явления редчайшие, почти астрономические.

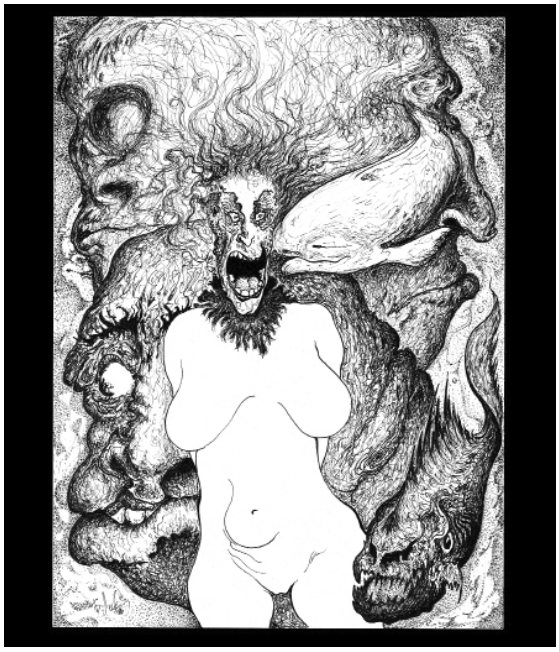
Скажу несколько слов о личности автора, которого знаю и за творчеством которого наблюдаю с конца 90-х годов, но сперва две цитаты: «Хочется начать в духе Достоевского – «Широк, слишком широк Борис Левит-Броун, я бы сузил»... Борис Левит-Броун пишет разными я. Если бы не его имя на обложках, с трудом верилось бы, что такие книги, как «Рама судьбы» – собрание христианских религиозно-философских текстов; «…Чего же боле?» – лирико-эпистолярный роман с явными инклинациями к полигамии; и, наконец, «Внутри Х/Б" – повесть о "хождении в солдаты", написаны одной и той же рукой». Так отозвался о Б. Левите-Броуне критик Валерий Сердюченко. А вот что пишет о нем Денис Ступников: «Борис Левит-Броун – ярко выраженный творец возрожденческого типа. Подобно Леонардо Да Винчи он гармонизировал и синхронизировал в себе самые разнообразные креативные устремления, не возведя в абсолют ни одно из них. XX век принес не так уж и много подобных творцов. А наиболее выдающихся из них можно пересчитать по пальцам одной руки». Боюсь, Денис погорячился – понадобится и вторая рука, потому что на Бориса Левита-Броуна уйдут как минимум два пальца. Я не припомню в русской культуре последних десятилетий другой творческой личности, (не нарцисса-эксгибициониста или скандалиста-эпатажника в стиле московского постмодерна, а настоящей мощной духовной личности), от которой русская словесность получила бы такие поэтические книги, как «Строфы греховной лирики» и такую

Художник

прозу, как «Внутри Х/Б»; русская мысль – такого масштаба и глубины религиозно-философский, скорей даже богословский, труд, как его недавно вышедшее в свет «Зло и Спасение», а русское изобразительное искусство – мир образов, хоть отдаленно сравнимый с его «HOMO EROTIKUS» по художественному своеобразию и мощи образного воздействия. Иван Толстой, редактор и ведущий программы Поверх Барьеров на Радио Свобода, познакомившись с Б. Левитом-Броуном еще в 1998 году на книжной ярмарке во Франкфурте, тут же сделал о нем тридцатипятиминутную передачу. Критические публикации на выход новых книг писателя появляются в «Книжном обозрении», редкие интервью с ним – в московской и питерской периодике, но о феноменальной графике Б. Левита-Броуна практически отзывов нет. Мой очерк, «Антиутопия в графике» (2002 г.) и интервью «Homo Erotikus и Гомо сапиенс» (2005 г.) – вот, кажется, и все, что можно при большом старании найти в Интернете об этой фантастической книге. В печати же за все эти годы так ничего серьезного и не было.

Теперь непосредственно об альбоме. Поначалу само название несколько настораживает. Не дань ли это моде? Не банальная ли апология секса? Не дорогой ли рекламный «шедевр» из развратного world of glamour? Или, что уже и вовсе скучно, не попытка ли образовать по данной акциденции еще одно определение человека, продолжив их вереницу, начатую в Новое время Карлом Линнеем? Оказывается – ни то, ни другое, ни третье! «HOMO EROTIKUS» – это разговор средствами графики о судьбе человеческого в человеке и обеспокоенность за его будущее. Разнообразие графических листов колоссальное, но смысловое поле одно – предостережение.

Homo erotikus – свидетельствует автор – это дорога в никуда, в расчеловечивание, в чистую животность без мысли, без чувства любви, без сознания красоты. Лишь углубившись в мир образов, постепенно отдаешь себе отчет, почему альбом имеет подзаголовок: «Из глубины омерзения и очарования». Борис Левит-Броун вообще любит давать подзаголовки своим книгам. И это легко понять: он не только художник, не просто писатель, но и мыслитель, спонтанный антрополог с обостренным ощущением кризисного состояния человечности в современном мире. Смыслы для него никогда не второстепенны. Приверженность высоким ценностям, восприятие человека через должное, а не наявное – т.е. через образ и подобие Божие, а не через образ звериный – заставляет художника вглядеться в сущее и в самого себя, увидеть и мучительно пережить потрясающую глубину дисторзии гуманистических идеалов и дегенерации homo sapiens в homo erotikus (настойчиво подчеркиваемое k в слове erotikus – не ошибка, а немецкое правописание, так захотел автор!) и выразить это в огромном символико-метафорическом цикле (альбом насчитывает почти сто рисунков пером, карандашом и в смешанной технике). Зачем? А зачем творил Франсиско Гойя свои Los Caprichos? Такие вещи как Los Caprichos и «HOMO EROTIKUS» не возникают случайно, это органическая реакция духа на кошмары времени, на сны разума, порождающие чудовищ. А еще – жгучая потребность художни-



ка приблизить современника вплотную к зеркалу эпохи, не кривому, в котором он ровен и красив, а прямому, в котором очевидны его кривость и уродство. Сегодня прямое зеркало совсем не то, что во времена Гойи – в нем отражаются не монахини-ханжи, не великосветские дамы-садистки и не ослы в сутанах. Другая эпоха, другие сны разума, иные чудовища. Но механизм возникновения и цель цикла «HOMO EROTIKUS» та же, что и гойевского Los Caprichos . Художник хочет, чтобы современник вместе с ним пережил карнальные соблазны как кошмары, чтобы он отпрянул в ужасе от той возможной альтернативы, – альтернативы бестиализма, – которая изнутри, интенционально, выхолащивает человеческое бытие. И это удается художнику. Он мыслит на пределе, доводит путь homo erotikus до логического конца, до окончательного исчезновения всякого образа и подобия человеческого. Тягостными и жуткими кажутся некоторые графические пассажи в то время как иные могут возбуждать, а некоторые даже лиричны. Временами «HOMO EROTIKUS» шокирует соединением нравственного самоосуждения и неудержимой животности, хочется сказать – смакования, но чистого смакования нет, все время что-то мешает. Самое потрясающее, что делает рисунки предельно выразительными, это откровенно сквозящее в них признание автора, что он не в силах побороть в себе плотский соблазн, ему же самому являющийся в метафорах озверения. Это в полном смысле слова антиутопия, предсказание грозящей катастрофы – не от ядерного оружия или экологического кризиса, а от коллапса человечности. И в то же время – это мужественное и честное рисунчатое слово о собственном бессилии перед карнальным искушением. Именно так, в неприкрытой наготе противоречий, от листа к листу дается зрителю альбома, если зритель достаточно внимателен и вдумчив, острое ощущение того, что труднейшая проблема есть и остается проблема человека; все другие могут возникать и решаться, но лишь до тех пор, пока человеческие качества не девальвированы окончательно, пока не стерта демаркационная линия между человеком и животным. Животное, оно и есть животное, к нему какие претензии? Другое дело – человек...

Борис Левит-Броун идет по пути, намеченном великими предшественниками: Гойей, Домье, даже Босхом. Там чудовищ порождает жестокость, алчность, обжорство, ханжество, лицемерие, обесчеловечивающий рабский труд. В данном же случае – и здесь акцентуирован иной феномен – чудовищ плодит животная сексуальность. У Филисиена Ропса я встречал нечто подобное по язвительной экспрессии, хотя и совершенно иное по мотивам. Левит-Броун посвящает целую книгу совершенно своеобразной графики проблеме взаимоотношения полов и половых фантазмов. Порождения его фантазии совершенно уникальны. То до жути буквально, то изысканно-метафорично, он показывает, какие темные бездны подстерегают здесь человека, каким глубоким может быть падение, если культивировать только объект сексуального влечения. «HOMO EROTIKUS» — это и яростная полемика с Фрейдом и колоссальная проговорка по Фрейду, но проговорка сознательная и эстетизированная. При всей своей казалось бы вневременной отвлеченно-символической метафоричности графика Левита-Броуна – это критика в конечном счете того самого сексуально-летального уклона современной цивилизации, который порождает тошнотворно знакомый нам мир гламура: то же ведь, как ни крути, мир спящего разума и роящихся чудовищ. Однако, и это важно, «HOMO EROTIKUS», как бы то ни было, есть мир, частью которого художник ощущает и самого себя. Я назвал альбом «HOMO EROTIKUS» антиутопией, предсказанием грозящей катастрофы. Антиутопизм в графике Б. Левита-Броуна очевиден. Предметом предсказания у него является кризис в отношениях полов, разрушение классической эротической культуры в индустрии «нового дионисизма», а средством предсказания – не слово, а рисунок.

Художник

Книга разбита на 5 частей, пять изобразительных глав: 1. Лица желания. 2. Лица наслаждения. 3. Лица насилия. 4. Сны тоскований. 5. Символизм. От листа к листу, от главы к главе, нарастает темная чувственность: «Мануальное знакомство» (№ 1) — «Пробуждающая зверя» (№ 16) — «Пределы наслаждения» (№ 24) — «Динозавр» (№ 34) — «Дух насилия» (№ 43) — «Карнавал» (№ 53) — «Блудница на звере» (№ 71) — «Зооморфизм» (№ 85). Вопреки красоте графики, чистоте линий и светящейся белизне листа от изображений веет дионисийской тьмой богооставленности, жутью духовной, затем ментальной, а затем уже и физической деградации. Женщина, как правило, изображена страдающим существом. Художник хранит женскую красоту и пластику – вообще, любит женщину, это видно в каждом женском силуэте. Он сам загипнотизирован, и дает нам ощутить неизбывный магнетизм женского тела. Сексуальные монстры и зооморфные существа чаще всего – мужского пола. Автор, судя по рисункам, придерживается той точки зрения, что в плотской любви женщина утверждает и сохраняет себя, поскольку женское начало персонифицирует природу, а природа расцветает плотью. Мужчина же по данной концепции теряет себя в плотском эротизме, ибо мужчина есть, прежде всего, начало духовное, реализующее себя духовно-творчески, а не природно-плотски. Однако дух графики Левита-Броуна не плоско-дидактический, не формально-назидательный. Это не уроки прописной морали, а настоящая драма. Сквозь рисунки проглядывает стыд художника не только за озверение мужчины в половой похоти, но и за собственную мучительную несвободу от тех же соблазнов, отчаянная идеализация женщины, которую он не в силах не любить и не облагораживать, даже сознавая, что именно она зачастую есть сила, "пробуждающая зверя". Создатель образного мира «HOMO EROTIKUS» разоблачает не женщину, а похотливый мир мужчин и самого себя. Его графика – не только обвинение, но и мучительное признание, даже самосуд. Тут действительно страстно сплетены омерзение с очарованием. Художнику веришь, он честен и в своих разоблачительных пониманиях, и в терзающих его страстях. Как и Иван Ефремов, Борис Левит-Броун явно на стороне женского пола. С этим вряд ли можно согласиться. Каждый пол по-своему с ума сходит. Женщина нередко провоцирует мужчину на гибельное распутство, т.е. неизбежно причастна к превращению его в homo erotikus. Альбом Левита-Броуна – зримое покаяние и одновременно разоблачение современной цивилизации, давно уже извлекающей профиты из половой похоти, подталкивающей человека к жуткой трансмутации из homo sapiens в homo erotikus.

Утопия – благостна, она навевает обманчивые сны, пробуждение от которых тягостно. Антиутопия – сгусток негативности, она концентрирует тьму и проецирует ее эскалацию из настоящего в будущее, показывая гибельность путей, которыми мчится человечество. Утопия всегда светлая, ибо дистанцируется от мрачных сторон настоящего и манит в светлую даль; антиутопия же всегда темная, ибо предупреждает о тьме, сгущающейся вдали. В отличие от развращающего прекраснодушия утопий антиутопии заключают в себе терапевтический отрезвляющий эффект. Как любил выражаться Мартин Хайдеггер, спасительный свет видится на краю пропасти. В этом положительное нравственное значение альбома Б. Левита-Броуна. Сгущая краски, временами пользуясь даже шокотерапией, художник встряхивает зрителя для восприятия положительных ценностей. Альбом Б. Левита-Броуна нельзя рассматривать как просто еще одну подборку эротической графики. Мало ли их выбрасывает в свет индустрия иллюстрированных изданий в форматах от «soft» до «hard» в наше свободное от морали время! «HOMO EROTIKUS» — не подборка и не каталог, не просто альбом, а целостное, совершенно законченное художественное произведение со своей внутренней драматургией: началом, развитием, кульминацией и концом. Своеобразный спектакль в графике.

В интернет-беседе с Еленой Федорчук http://www.netslova.ru/esse/homo_eroticus.html Левит-Броун называет своих виртуальных учителей.

Художник

На его творчество оказали влияние рисунки британца Обри Бердсли и офорты Ханса Беллмера, немецкого графика-эротика и сюрреалиста. Однако, это влияние не прямое, не формально-методическое, а интуитивно-схватывающее, без подражательства. «Хорошие художники копируют, великие художники крадут», – сказал как-то Пабло Пикассо. По этой мерке Бориса Левита-Броуна в хорошие никак не запишешь. Его рисунки не похожи ни на графику Бердсли ни на офорты Беллмера. И в то же время мысль о Бердсли возникает непроизвольно, а по мере знакомства с альбомом вспоминаешь и Беллмера. Пытаешься найти прямое сходство и не можешь, ловишь художника на цитатах и не находишь их... неизбежно теряешься, потому что Левит-Броун не одолжался формальными приемами и мотивами у своих великих предшественников, он у них очень избирательно и очень талантливо «крал». Пульсирующая линия от Бердсли – но вот она исчезает в совершенно не бердслиевской вибрации поверхностей, то испещренных тысячами мельчайших точек, то покрытых какими-то диковинными паттернами. Агрессивная сексуальность, но она и беллмеровская и не беллмеровская, временами столь же прямолинейная и разнузданная, но зачастую более фантастичная, а то, вдруг, и более лирическая, знающая не только мир разнообразных монстров, но и женские образы чрезвычайного изящества и поэтичности, чего не было у Беллмера. Диалог художника с традицией европейской графики очевиден, но вне смыслового пласта, заключенного в альбоме, рисунки Б. Левита-Броуна были бы лишь смесью изящества и агрессивного вплоть до карикатурности эротизма, цепью одиозных воплощений его буйной чувственной фантазии. Однако художник не просто фантазирует, он мыслит; продуктом синтеза мысли и образа становятся значимые, а часто и неоднозначные, символы. Графические образы Б. Левита-Броуна – это символика эпохи, в которой без труда просматривается тенденция к homo erotikus, т.е. одичание в сексуальной озабоченности, подогреваемой всеми держащими человека в перекрестном прицеле средствами масс-медиа. «Сценарий» по которому размещены рисунки в альбоме разворачивает мистерию нагнетания эротического плотоядия и одновременно вырождения. В этом смысле альбом бескомпромиссно правдив; в нем выражена очень темная правда. “HOMO EROTIKUS” есть суд над эпохой, ибо каждый из нас несет в себе блеск и нищету своего времени. Но право судить эпоху куплено дорогой ценой суда художника над самим собой. Терапевтический эффект этого шедевра бесспорен, другой вопрос – как найти дорогу к зрителю, ведь эта уникальная графика пока не стала публичным достоянием.

Я давно уже пишу о творчестве Бориса Левита-Броуна и должен признать – с ним всегда ощущаешь себя в интриге: не успел ты сжиться с его поэзией, как выходит в свет его религиозно-философская книга, не успел ты настроиться на его религиозно-философскую прозу, как появляется совершенно необычный и новый по языку роман. Полной неожиданностью было появление в России в начале века его «HOMO EROTIKUS», и такой же неожиданностью стал недавно опубликованный его фундаментальный философско-богословский трактат «Зло и Спасение», определенно выходящий за рамки религиозно-философского дискурса. Никогда не знаешь, чего еще можно ждать от этого духовно беспокойного и многогранно одаренного человека, личность которого немало и разнообразно значит для русской художественной и мыслительной культуры.

http://www.homoerotikus.ru/isosphere/HOMO_EROTIKUS .

Коллекционер

Коллекционером годом, по версии журнала «Персона ПЛЮС», стал выдающийся собиратель олимпийской тематики Олег Воронцов.

Олег родился на Украине, жил в Москве. В настоящее время живет в Испании.

У него одна из самых больших коллекций в мире по олимпийской тематике.

С ним беседует наш специальный корреспондент Евгений Степанов.

Олег Воронцов: «Книги совсем о другом!»

— Олег, Вы один из крупнейших коллекционеров в мире олимпийской атрибутики. Как давно Вы стали этим заниматься?

— Все началось в 1972 году. Друг нашей семьи был участником Олимпиады в Мюнхене в соревнованиях по боксу. После Олимпиады я вместе с родителями оказался у него в гостях. Он говорил про Игры, показывал значки, рассказывал о том, как обменивались значками и сувенирами спортсмены и официальные лица разных стран. Видя, как меня захватил его рассказ, мама в этот же день предложила: «Хочешь тоже что-нибудь собирать?» Она дала мне рубль, и я купил в киоске «Союзпечать» стеклянный значок, на красном фоне которого был изображен серп и молот и была надпись «Мюнхен-72». Мне тогда было девять лет. Позже мама рассказала, что ей хотелось меня чем-нибудь заранее увлечь, чтобы оградить в дальнейшем от влияния улицы. И, надо сказать, ей это блестяще удалось, так как я настолько увлекся коллекционированием олимпийских значков, что это стало моим самым большим увлечением.

— Каким образом пополняется коллекция?

— Через встречи коллекционеров, через аукционы, сбор материала во время Олимпийских игр. обмены с другими коллекционерами.

— Встречи с кем из олимпийцев Вам особенно запомнились?

— С Евгением Гришиным, Лидией Скобликовой и Павлом Ледневым. Среди друзей — Алексей Немов.

Хуан Антонио Самаранч и Олег Воронцов

Из коллекции Олега Воронцова

Эхо Московской олимпиады

Мишки-80

Коллекционер

— Вы были знакомы и даже дружили с легендарным Самаранчем. Как Вы познакомились?

— Да. Во время каждой Олимпиады устраиваются мероприятия, которые называются «Олимпфилекс». До 1992 года это были большие выставки коллекционеров-филателистов. Но в 1992 году, во время Олимпиады в Барселоне, было принято решение привнести в выставку нечто новое. И этим новым стало то, что двум коллекционерам — одному со значками, а другому с коллекцией монет — разрешили занять два небольших зала (для сравнения: филателистов на выставке присутствовало около четырехсот). Одним из этих двух людей был я. По протоколу планировалось, что на выставке Самаранч проведет час. Сорок минут планировал потратить на ее осмотр, и двадцать — на торжественное открытие. В первом зале (там, где монеты) Самаранч провел несколько минут. А потом он попал в мой зал. Думаю, филателисты меня тогда просто возненавидели, потому что он провел в моем зале 35 минут! Самаранч был заядлым филателистом. Но тогда, в Барселоне, он был настолько захвачен значками, что не успел увидеть практически ничего из выставки филателистов. Он о многом расспрашивал, мы даже поспорили по поводу одного значка. А потом я сказал, что было бы хорошо создать всемирную организацию олимпийских коллекционеров по трем тематикам — филателия, нумизматика и фалеристика. Он сказал, что это интересно, и предложил встретиться после Олимпийских игр. Через полтора месяца мы встретились в Лозанне, и уже в 1993 году была создана комиссия олимпийских коллекционеров при Международном олимпийском комитете (МОК).

— Вы также известный писатель. Находит ли олимпийская тематика отражение в Ваших книгах?

— Нет, книги совсем о другом. Зачастую о вещах совсем грустных.

— Ваши творческие планы?

— Я продолжаю коллекционную работу, пишу новые книги. Даже пишу стихи, скоро в Москве у меня выйдет сборник стихов!

Вопросы задавал Евгений СТЕПАНОВ

Книги года

Олег Воронцов, «Неоконченные хроники мертвых дней», М., ИД «Городец», 2010.

Есть книги, которые должен прочитать каждый. Это, на мой взгляд, «Архипелаг ГУЛаг» Александра Солженицына, «Колымские рассказы» Варлама Шаламова, «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург. Это книги об эпохе тоталитаризма в нашей стране, о несвободе человека в самой «свободной из свободных» стран мира, где так «вольно дышит человек».

Есть еще одна книга, которую должен прочитать каждый. Это книга Олега Воронцова «Неоконченные хроники мертвых дней».

Олег Воронцов родился на Украине, жил в Москве и вот уже более 20 лет живет в Испании.

Полтора года он по сфабрикованному обвинению провел в испанских тюрьмах. Роман Воронцова написан от первого лица. В нем упоминаются невыдуманные персонажи, он насквозь публицистичен и социографичен. То есть возникает ощущение документа и факта. При этом роман, конечно, художественное произведение. И главное — гуманистическое произведение. Герой романа не сдается, не опускает руки, борется за свою правду. При этом его поддерживает семья — жена, четыре дочери, мама. Герой находит в себе мужество и мудрость жить и даже радоваться жизни в тех условиях, которые ему преподнесла судьба.

Олег Воронцов пишет:

«Я совершенно перестал думать о том, что надо пересидеть и переждать. Я поменял трактовку состояния: жить каждым днем и радоваться каждой мелочи! Более того, каждый день я настраивал себя на это состояние. Полный оптимизм и жизнерадостность. Начались занятия по истории искусств — замечательно! Разрешили посещать курс по философии буддизма — отлично! Ежедневная йога помогает гибкости тела — еще лучше!»

Автор (его лирический герой) преодолевает себя и тем самым преодолевает ситуацию, становится сильнее ее.

Роман заканчивается неопределенно. Не ясно, выйдет автор на свободу или нет. Но совершенно очевидно другое: он свободен и в тюрьме. Он и в тюрьме остается человеком, личностью. В этом, на мой взгляд, основная идея романа Олега Воронцова.

Сергей КИУЛИН

Книги года

Историк самого себя // Istoriograf mie insumi / Евгений Степанов / Evgheni Stepanov (Editie bilingva ruso-romana). – Iasi: Editura Fundatiei Culturale Poezia, 2010. – 150 de pagini. Traducere de Leo Butnaru.

Часто поэты шифруются: есть вещи, о которых хотелось бы прокричать миру, и тут появляются внутренние ограничители. Оправданные или нет, они исполняют привычную работу. Название двуязычного сборника (русский и румынский) стихов Евгения Степанова тем более интересно, что обещает тот самый крик. Веришь, что автор может подарить сокровенное; наивный, как ребенок: «историк самого себя». И это происходит, но суровая образность стиля и предельная эмоциональная сдержанность во многих текстах разрушают миф о ребенке.

Я никогда сам не смогу изменить свою жизнь.
Не откажусь от бешеной гонки.
Не уйду в монахи (а так хочется).
Не отрешусь и не сяду за стол, чтобы писать прозу.
Не буду служить одной женщине (я так ее и не нашел).
Не уеду в Крым, Париж, Нью-Йорк, в места и города,
где я был счастлив в детстве и молодости.

Сама книга напоминает средневековую гравюру. Линии одного цвета и наработанная четкость рисунка. И хотя общий тон взят доверительный, постоянно пробегает холодок, словно стоишь перед трамвайными путями, а рядом высоковольтная линия электропередач – провода токуют. Стихи выглядят механическими и – самое главное определение – вынужденными.

руки срослись с клавиатурой
глаза с монитором
неужели я еще человек

В сборнике представлены произведения разного времени, как в поперечном срезе ствола дерева. Кстати, тема дерева для Евгения Степанова имеет особое значение, как самоопределение и ассоциация своего «я» – думаю, что и внешнего и внутреннего – с образом твердого и безмятежного в своей основе. Возможно, попытка найти защиту от всего нежелательного и мало кому приятного: обрасти корой, затвердеть в самом сердце, образуя сердцевину, углубиться корнями и прочее. Напоминает древнегреческий миф о Дафне, превратившейся в лавр, чтобы спастись от Аполлона, сохранив свое целомудрие.

я такое дерево
пел изумительный Валентин Никулин песенку на стихи
кажется Григория Поженяна
я тоже дерево – расту не зная зачем и почему
иногда у меня вырастают листочки
листочки со стихами
мне все равно что обо мне говорят
я такое дерево

Таким образом, сборник являет собою «карту болезни». Обычно, это свойственно всем стихотворным сборникам, составленным из произведений разных периодов творчества. В книге Евгения Степанова видно изменение жизненных обстоятельств и возможностей заниматься сочинительством, что само по себе – целая история. Практически под каждым произведением проставлена дата, даже указано место (город, улица, станция), где состоялся акт творчества. Или, быть может, случилось вдохновение, и возникла пара первых строчек. Видно, что автору часто приходится писать, находясь в пути. С чем это связано?

так получилось
я главный редактор издательства и нескольких журналов
член редколлегии разных изданий
автор предисловий к публикациям молодых авторов
президент литературного фестиваля
я все время торчу в президиумах
важно хмурю брови и надуваю щеки
говорю правильные речи
молодые поэты меня слушают
неужели они не видят
я тоже молодой поэт
начинающий автор
я сам ничего не умею

Если в девяностых автор работал над выдержанно строгими стихами: «теперь лолита улетела/ куда-то в дальние края/ и никому увы нет дела/ что пролетела жизнь моя», – то, чем дальше во времени, тем отчаяннее все становилось… то есть, уже в нулевых стиль резко изменился. Либо Евгений Степанов самостоятельно посвятил себя в хармсы, либо это попытка сэкономить время. Стихи, подчиненные форме, пишутся иногда не один день или месяц, а главный редактор редко отходит от журнала-пупса, который остается вечным младенцем и вечно просится на ручки, чтобы баюкал отец-одиночка. Но вернусь к «либо»… Мое последнее предположение – в авторе неожиданно проснулось желание попробовать все на шведском столе литературных стилей. Что интересно, даже в таком стихотворении прямых диагоналей, к которому автор пришел в итоге, он никуда не теряется, как личность. Мутации внутреннего «я» в поэзии Евгения Степанова не произошло и уже не должно произойти.

я тороплюсь сказать тебе
что теперь точно знаю смысл простых слов
я люблю тебя
живи долго
живи очень долго
главное –
живи дольше меня

Поэзия Евгения Степанова о редакторе, критике, бизнесмене, садовнике, человеке в пути, женщинах и писателях, беседах… Автор, будто пытается сфотографировать принципы собственного мышления.

Тогда поэзия становится всего лишь негативом, требующим от читателя не просто прочитать единожды, а затем вернуться к прочитанному тексту-слайду, но выполнить целую работу диапроектора.

я смотрю нестареющий фильм тегеран-43
азнавур поет свою великую песню une vie d'amour
стреляют пушки и зенитки
плачут женщины и дети
и не понятно как жить дальше
и столько горя и печали вокруг
и столько лет мы прожили не дома на хорошей
но чужой земле

Есть особый вид стихотворений в сборнике, образы которых в попытке передать ощущение от чего-либо или настроение сливаются в ирреальное. Данную категорию могу воспринимать только как один из шифров или цирковых трюков. Эмоциональная холодность и путаница действий здесь кажутся абсолютно очевидными, что интересно, адекватными. Есть так называемые стихи-перечисления или списки, будто сделанные из боязни потери памяти. В них встречаешь знакомые имена поэтов и музыкантов, предметы, окружающие повседневность автора, но, кроме того, места, где автор когда-либо бывал и бывает. Такие стихи напоминают мне огромное скопление гвоздиков. Манера чтения здесь должна быть чеканная: вбивающая или отрубающая. Можно даже представить весь этот железный дух – внутреннее «я» автора, словно киборг. Стоит вспомнить кадры из американского блокбастера: стальная человекоподобная машина с содранной имитацией человеческой кожи, что можно увидеть, где какую деталь скрепляет тот или иной гвоздик или шурупчик. Как в стихотворении «32 ГОДА»:

Доча. Галактика. Слово.
Бог. Лера Майн. Медсанбат.
Дача. Тверская. Кусково.
Машенька. Папенька. Брат.
Эмма Сергеевна. Ната.
Саша. Татьяна. Мари.
Горы случайного злата.
Бедность – хоть ляг и умри.
Пушкин. Верлен. Баратынский.
Моцарт. Рахманинов. Бах.
Панина. Козин. Вертинский.
Пенье висконсинских птах.

Понятие преемственности в поэзии и восприятия чужого литературного опыта автор передает в печальных строчках, написанных, как концовка восточной притчи или басни. Но без всякого назидания. В книге «Историк самого себя» Евгений Степанов не старается научить чему-либо, его задача представляется иначе. Отразить моменты, навести на мысль. Написать так, чтобы с этим согласились или приняли к сведению:

дерево кропивницкий
падают плоды
дерево бродский
падают плоды
дерево айги
падают плоды
и плодов пруд пруди
а новых деревьев нет
увы

Игорь ДУДКИН

Михаил Бойко, «Метакритика метареализма», М., «Литературыне известия», 2010

В книгу литературного критика, журналиста, философа, заместителя главного редактора газеты «НГ-Ex Libris» Михаила Бойко вошли статьи, направленность которых можно охарактеризовать как литературоведческо-философскую. Общая проблематика – вопросы о метареализме и метакритике как таковых – выступает в них лишь поводом для пристального разговора о двух фигурах: Юрии Мамлееве и Алине Витухновской.

Автор начинает с попытки установить, что же такое метареализм, и уславливается с читателем считать этот термин «сверткой» термина метафизический реализм, введенного в обиход Юрием Мамлеевым. Кстати сказать, в интерпретации вышеназванного понятия и отношения его к Мамлееву автор непоследователен. То он пишет, причем, неоднократно возвращаясь к этому постулату, что «метафизический реализм» – это не какое-то особое литературное направление или школа, а особая установка сознания и соответствующий навык, позволяющие прочитать тот или иной текст как повествование о метафизическом мире», и тогда данное явление лишено временного истока, автора и соотнесенности с какой-либо отдельной группой текстов. То Мамлеев оказывается основателем метафизического реализма («Бросается в глаза близость творчества Витухновской к *«метафизическому реализму»* – литературному направлению (курсив наш), основанному Юрием Мамлеевым»), тем более что не однажды творчество Мамлеева объявляется единственным подлинным воплощением принципов данного… течения? метода? подхода?

В целом же книга Михаила Бойко может быть прочитана как панегирик Юрию Мамлееву и Алине Витухновской, которые автором явно видятся как вершина сегодняшней русской литературы. Автор и не скрывает своей предвзятости, порой переходящей от вполне допустимой «защиты» своих любимых писателей к «нападению» на оппонентов и вообще всех чужих. Тут вкусовая непримиримость порой «подсказывает» автору лексику, спокойной аналитической статье противопоказанную:

«Мамлеев и Витухновская обладают целостными, детально проработанными мировоззрениями, что само по себе большая редкость (гораздо чаще приходится иметь дело с хаотичными прозрениями и взъерошенной эклектикой)».

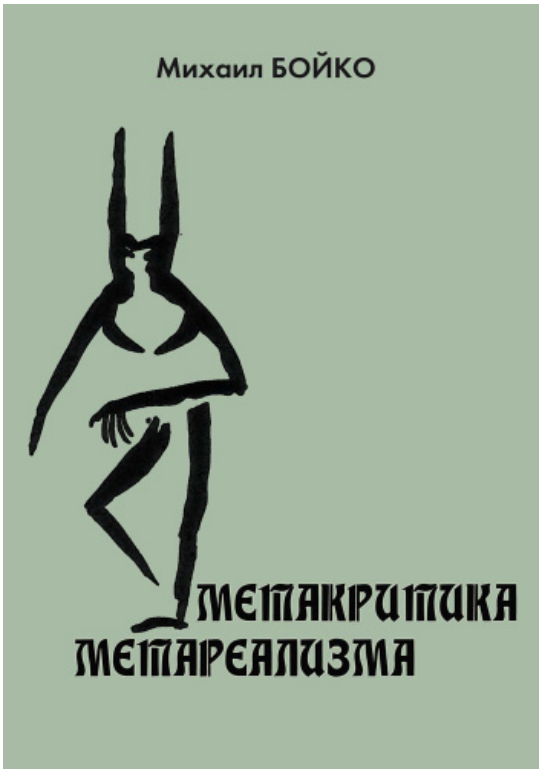
И совсем уж ставят под сомнение научную да и чисто человеческую зрелость автора его выпады против тех, для кого Алина Витухновская «персона нон-грата»:

«Эти люди, как показывает опыт, – прагматичные ничтожества, больше пекущиеся о своей репутации и сиюминутном успехе, чем о неповторимости судьбы и самовыражении. Именно они образуют «заговор посредственностей», благодаря которому прижизненный успех редко сопутствует тем, на долю кого выпадает посмертная слава».

Тут и элементарная грубость, и подростково-звонкий пафос, и заочное наделение вполне молодой еще любимой поэтессы посмертной славой, и наконец, логическая нестыковка или же «проговорка»: выходит, что к успеху здесь и сейчас позволительно стремиться и личностям безупречным – не только «прагматичным ничтожествам».

Настораживает уподобление Мамлеева и Витухновской с одной стороны Бердяеву и Шестову (как «всегдакающих ежей» – терминотворчества в книге мы еще коснемся), с другой – Гумилеву и Заболоцкому («Мировоззрения Мамлеева и Витухновской демонстрируют биполярность жизнеутверждающей и жизнеотрицающей установок, подобную той, которую Лев Гумилев обнаружил в творчестве своего отца и Николая Заболоцкого»). Такое сближение весьма далековатых имен – даже если вынести за скобки фактор проверенности временем, с точки зрения которого творчество, по крайней мере, Витухновской очевидным образом уязвимо – вынуждает образованного и привыкшего ориентироваться по довольно обширной и подробной литературной карте читателя подозревать автора в осознанном, «программном» воображении некой пустыни вокруг избранных им фигур. Михаил Бойко постоянно

Книги года



подчеркивает исключительность Мамлеева и Витухновской на фоне даже прочих «писателей-метафизиков» (само это определение, используемое Юрием Мамлеевым, вряд ли можно считать удачным – как рождающее, при некоторой его отвлеченности и размытости, у квалифицированного читателя навязчивую ассоциацию с английскими поэтами-метафизиками). Своеобразие, острая самобытность и прозаика, и поэтессы от них, разумеется, неотъемлема и, возможно, заслуживает специального подчеркивания, но автором подается с явным и несколько агрессивным нажимом на особое превосходство творческих стратегий Мамлеева и Витухновской.

Спорными представляются и отдельные утверждения «теории», например, о том, что «любой художественный текст имеет три основных смысловых измерения: социальное, психологическое и метафизическое» (категоричность тезису добавляет первая часть сложноподчиненного предложения: «После Мамлеева сложно отрицать, что…»). На наш взгляд, уместно говорить разве что о любом выдающемся художественном произведении, но уж художественных текстов, лишенных какой бы то ни было метафизической подоплеки, сколько угодно. Да и иное выдающееся произведение зачастую обходится без метафизики (амплитуда от «Евгения Онегина» до «Дома на Набережной»).

Словно предвидя этот довод, автор через несколько страниц пишет: «В любом тексте можно обнаружить присутствие метафизических идей, пусть даже в форме игнорирования метафизической сферы как таковой». Это уже напоминает отступление на заранее заготовленные позиции, «подверстывание» реальности под идею.

Вообще в рассуждениях о метафизическом аспекте литературы чувствуется неуверенность, корень которой – задача свести концы с концами, отчасти выдать желаемое за действительное. Отсюда логическая неувязка:

«В советском литературоведении выделяли два уровня в творчестве Достоевского: социальный и психологический. Но метафизический аспект до Мамлеева пребывал в тени психологического. Именно в четком разграничении психологического и метафизического аспектов и состоит его подлинная заслуга. Именно в этом смысле Георгий Флоровский писал в статье «Религиозные темы Достоевского»…».

И далее автор цитирует Флоровского, утверждавшего, что Достоевский «изображал не душевную, а духовную реальность», «первореальность человеческого духа», «хтонические глубины»… Спрашивается, в чем же тогда состоит новизна подхода к Достоевскому Мамлеева, если «метафизический аспект» вполне выявлен, как мы видим, еще Флоровским?

Все это не просто отдельные недочеты, точечные огрехи, но то, что нарушает цельность топики. В изложении мыслей чувствуется нервность, чему способствует и перескоки с одного уровня разговора на другой. Только что автор придерживался сугубо научного «регистра» («Заметим, что выделение трех способов интерпретации текста приближает нас к пониманию функционирования культуры, текста и вообще человеческого мышления»; далее идет ссылка на московско-тартусскую семиотическую школу), и вдруг, в начале следующей главы встречаем развернутую метафору соцреалистического романа как трехэтажного здания с колоннами, а потом вовсе обращенный к кому-то совершенно «журналистский» по тону вопрос: «Если метафизического реализма как отдельного направления не существует, то какой смысл в Клубе метафизического реализма ЦДЛ?..».

Наконец, последняя претензия, которую хочется высказать Михаилу Бойко. Привлекая и Мамлеева, и Исайю Берлина, он умножает сущности без, как кажется, особой к тому необходимости; терминология разветвляется, дробится: утризм (автор полагает, что этому слову «давно пора войти в философский и

литературно-критический обиход»), всегдасты и тогдасты, «всегдакающие ежи со связными доктринами».

Достоинством книги можно считать продуманность (несмотря на вышеперечисленные слабые места) общей конструкции каждой статьи, тщательность анализа. Помимо этого, четкая идейно-эстетическая ориентация автора, его «пристрастность», увиденная как неравнодушие, честность, может вызывать симпатию.

В виде приложения к статьям Михаила Бойко добавлены его интервью с Юрием Мамлеевым и Константином Кедровым. Грамотные, глубокие вопросы, которые Бойко задает своим собеседникам, призваны прояснить как раз те моменты, где в его концепции можно усмотреть натяжку или нестыковку и где видит трудность сам автор. В частности, после прочтения интервью с Юрием Мамлеевым у читателя складывается, наконец, более-менее стройное и полное понятие о природе метафизического реализма.

Марианна ИОНОВА

Книги года

Наталья Никулина, «Нести свет да нести», М., «Вест-Консалтинг», 2010

между ледниковым периодом
и ледовым побоищем
проложить однажды
дорогу жизни

Советует своим читателям книги «Нести свет да нести» Наталья Никулина. И следуя этой подсказке поэта, я теперь нащупываю во времени и пространстве этот путь. Поездом возвращаюсь из Боровска в сторону Москвы и не выпускаю из рук книгу, которую мне автор подарила. Читаю, не замечая вокруг никого. Даже быстро пробегающий за окном новый для меня пейзаж не притягивает взгляда. Я душой окунулся в стихи. И ощущаю, как поэзия Никулиной расширяет мою жизнь, удаляя из нее острым и точным словом все лишнее. Благодаря этому мир, конечно, не улучшается, но, несомненно, и не ухудшается. Он становится полнозвучнее в звенящей тишине бытия, подтверждая мою излюбленную мысль, что жизнь дается один раз и прожить ее лучше со стихами!

И с новой книгой поэта я прокладываю себе новую дорогу, с головой погружаясь в такое знакомое, но еще мало изученное и неведомое мне пространство, где теперь у нас на двоих общий путь, потому что автор напоминает: «за концом света — весна». И теперь я, вслед за поэтом, который так по-детски, но вполне убедительно «твердый орешек света катает во рту», готов убежденно повторить «количество света, исходящего от вас, — эталон нашего возраста». И потому начинаю выстраивать оставшуюся жизнь, как указал поэт:

чтобы продлить день —
включаю свет,
чтобы продлить свет —
зажигаю лампаду.

Ловлю себя на мысли, что поэтический базис новой книги Н. Никулиной с очаровательной плотностью поэтически прожитой мысли почти стопроцентно совпадает с моим уровнем мирового космического океана, хотя уже приходится нести тяжелое бремя «старой / одинокой, / больной черепахи». Но это не мешает смело «смотреть поверх головы судьбы, идущей мне навстречу», как подсказывает поэт, но при этом помнить «райское лето с раздавленными ягодами светлых дней», отыскивая «своего ангела в толстой книге под названием «Библия», а «на работу выходить, словно в открытый космос». Хотя понимаю, чувствую изработанным сердцем, что для меня уже отмерен «конец света всегда неожиданный — энергосберегающий». Но, тем не менее, всем своим внутренним содержанием ощущаю, как стихотворное слово в книге Н. Никулиной балансирует на кончике иглы, где поэт помещает не только ангелов, но и любимых художников, присваивая

«васильки шагала». И хотя ради объективности поэт фиксирует краем глаза и космогонию, и самогонию России, но при этом упорно создает личную душевную формулу повседневной устойчивости, в которой:

черный квадрат
малевича
равен сумме квадратов ангелов
светлых
над поющими в терновнике

И эта формула убеждает, что без человека поэзия имеет колоссальные провалы и пустоты, но в душе она находит основополагающие и очень важные подпорки для постоянно накреняющегося горизонта бытия под настойчивым давлением того света. Чаще всего поэтически одаренный человек заполняет пустоты бытия языком, говорением, речью, в итоге главным Словом, которого всегда так не хватало людям в прошлом и недостает в будущем, пусть даже немного читателей для него найдется. Читатель в такой ситуации уже ничего не решает. Читатель бессилен, он всего лишь статист, потому что поэзия — это оргазм человека в статичном мире, где главенствует вычеркнутость неописанного. И поэтическое слово — это бытие в оправе Бога, а Бог — в формате бытия, где едоки хлеба вместе с ангелами обучаются есть хлеб изящной словесности. Но только «с поющими в терновнике"»понимаешь, что мир улучшается лишь в то и на то мгновение, когда человечество прирастает счастливыми людьми, хотя внешне все остается на своих местах. Но разлив массы счастливого большинства делает все вокруг теплее, уютнее. Другого способа улучшить русский мир, хотя бы на мгновение, нет или никто его не знает. И, как бы ни сложилась наша дорога жизни, очень важно ощутить как

…это маленькое
сверкающее
голубое
и круглое
как дурак
новогоднее счастье
возвращается

Хотя бы раз в году… Теперь мое маленькое счастье, как я теперь понимаю, — это короткие поездки в Боровск, которые делают мою пресную жизнь на краю земли «новогодним счастьем» и кажутся миражом, воспетым в лунном молчании поверх Кудыкиной горы. Нынче с книгой Натальи Никулиной.

Но тут мое чтение в поезде прерывает слепая женщина, которая тихо поет в общем вагоне электрички русский романс. Слушаю ее тихий уставший голос, а когда она пошла по вагону собирать деньги — неожиданно, как и многие другие, бросаю свою монету в сумку. Никогда никому прежде не подавал — принцип такой. Но впервые поступился принципом и почувствовал себя лучше. Так Бог проходит в каждом из нас не жизнью, а словом, которое в каждом может ожить, важно только прислушаться к речи поэта, который сможет изменить вашу линию жизни, но это уже будет другая история… Пускай как эта крохотная, замеченная только автором книги Натальей Никулиной:

сегодня твоя тень
похожа на цветок.
пошевели лепестками.

Я пошевелил лепестками и понял, что чуть-чуть мир вокруг меня стал лучше, и вместе с поэтом я еще успеваю "на былую сторону радости".

Владимир МОНАХОВ

Книги года

Эдуард Просецкий, «Время Иуды», М., «Литературные известия», 2010

Эдуард Павлович Просецкий — писатель известный, имеющий хорошую, проверенную репутацию, его книги пользовались успехом еще в советское время.

Просецкий родился в деревне Варваровка Белгородской области. Окончил географический факультет МГУ и Высшие литературные курсы. Почти 20 лет отработал в экспедициях, пройдя необъятную страну от Калининграда до Дальнего Востока и от Заполярья до Средний Азии. В литературе дебютировал книгой «Первое преодоление» (1975). Автор романов «Городской гость», «Дальше пойдешь один», «Заглянуть в колодец», «След на песке» и др. В перестроечные годы создал цикл романов, посвященный новейшей истории России, в том числе «Миф», «Соцбыт», «Каземат», «Дневные любовники» и пр. Член Союза писателей и ПЕН-Клуба.

В настоящее время Просецкий выпускает в издательстве «Литературные известия» (холдинг «Вест-Консалтинг») серию романов под общим названием «Непостижимая Россия». Первый роман серии — «Время Иуды» (о нем сегодня и порассуждаем).

Времена, как известно, не выбирают, но нынешнее время, действительно, не ангельское. Так что, название для романа выбрано удачно.

Сюжет этой книги построен по принципу параллелизма. С одной стороны, в романе прослеживается линия внештатного осведомителя спецслужб, выпускника Института культуры Макара Игнатовича Супагина, который благополучно стучит на своих товарищей — служителей муз. Образ, прямо скажем, легко узнаваемый и, увы, распространенный.

С другой стороны, речь идет об Иуде Искариоте. Оба персонажи показаны автором с явной симпатией.

Действие романа происходит то в некую фантастическую (а, может быть, и реальную) эпоху, когда власть принадлежит монархии и лично Николаю III, то в библейские времена.

Макар Игнатович Супагин — человек умный, проницательный, обаятельный, легко соблазняющий самых разнообразных женщин, находящий себе во всем оправдание. Иуда же Искариот показан и вовсе высоконравственным персонажем, по сути, единственным заступником Христа. То, что он выдал Иисуса своим поцелуем, не признает грехом.

В беседе с Фомой (неверующим) Иуда так объясняет свою позицию: «— Фома, — с сожалением произнес Иуда, — я всегда уважал тебя за ум и осмотрительность. Посуди сам: была ли надобность указывать на Него, когда он известен всем, творя чудеса и проповедуя в Иерусалиме?».

А вот авторская позиция относительно Супагина:

«…ловча и предательствуя, продолжал он неблагодарное дело Иуды. Но если разобраться, разве не порождено оно высшей необходимостью бытия? Ибо есть на свете золотарь, и его назначение вывозить отбросы человеческого тела; есть на свете тюремщик, и его назначение содержать в неволе заключенного; есть на свете палач, и его назначение приводить в исполнение приговор суда; и есть на свете предатель, и его назначение предавать, ибо без этого палитра жизни будет неполной…».

Если русская классика старалась понять и простить отрицательных персонажей, то Просецкий идет еще дальше предшественников — он пытается принять и найти положительное зерно в самом понятии греха, в неблаговидных деяниях. Философия эта, на мой взгляд, порочная, но, безусловно, удобная и не лишенная привлекательности. Уверен, что многим она понравится, особенно в нынешней России. В России, где все поставлено с головы на ноги, белое называется черным, а черное белым. Вот эту метаморфозу, произошедшую с нашей многострадальной Родиной, и увидел писатель. И показал. Показал писательскими средствами.

Эдуард Просецкий — превосходный стилист, обладающий неповторимой манерой письма, его стиль полон иронии, сарказма, знания дуалистичной природы человека. Находок, изюминок, иронических реплик и афоризмов в прозе Просецкого очень много — газета «Государев комсомолец», «сексуальный акробат» и т. д.

Словом, книга заслуживает внимания. Она помогает понять, что происходит со всеми нами в очередное смутное время.

Сергей КИУЛИН

Фоторепортаж

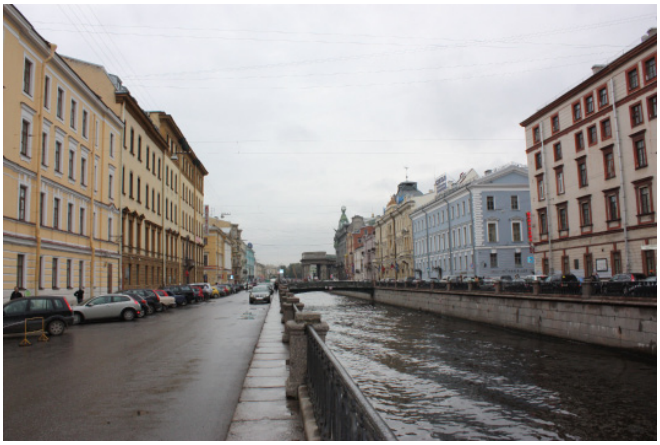
НОВЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

В 2010 году я очень много ездил — проводил презентации книг наших авторов в Петербурге, Мадриде, Хельсинки, читал лекции в Ясском университете (Румыния), был в Болгарии. Во все свои командировки всегда беру с собой фотоаппарат. Фотография — это целый мир, целая жизнь. Фотоаппарат иногда видит то, что не видит глаз человека.

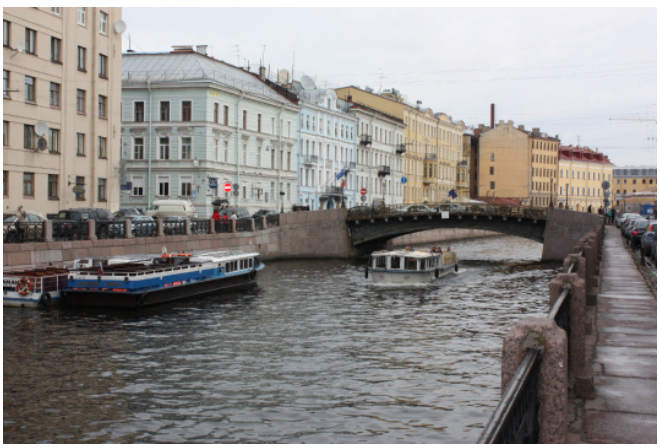
Евгений СТЕПАНОВ

Санкт-Петербург

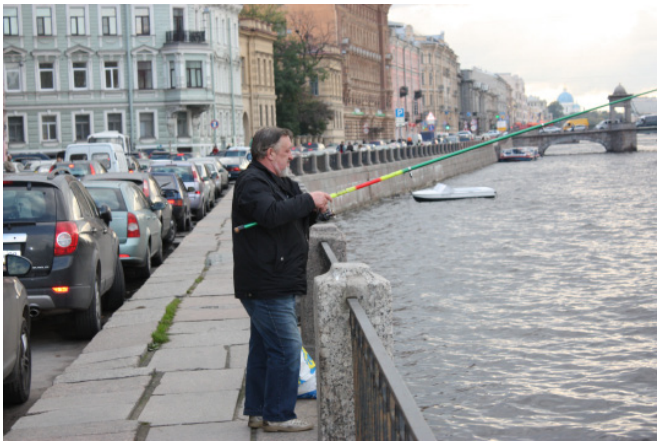
Фоторепортаж



Фоторепортаж



Фоторепортаж



Фоторепортаж

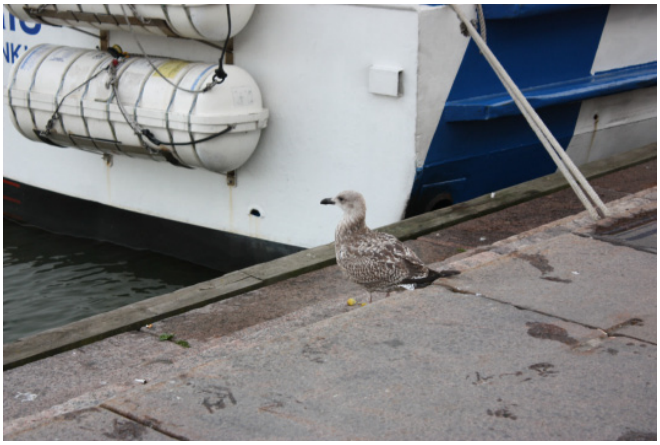
Фоторепортаж

Хельсинки

Фоторепортаж

Фоторепортаж

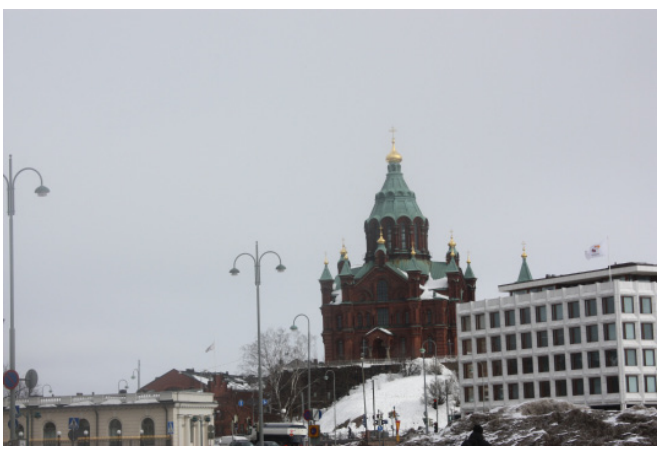
Фоторепортаж



Фоторепортаж

Фоторепортаж

Фоторепортаж

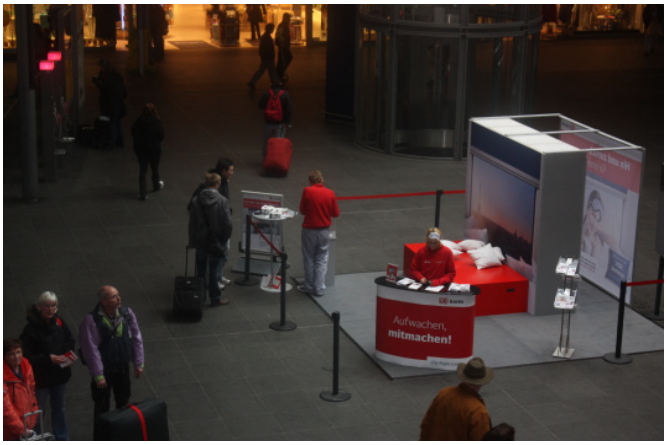


Фоторепортаж

Фоторепортаж

Берлин

Фоторепортаж



Фоторепортаж

Фоторепортаж

Варна

Фоторепортаж

Фоторепортаж

Фоторепортаж

Фоторепортаж